

51(с)43
0 53
75456
В. СНЕГИРЕВ

Иван Третий

ОГИЗ • ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ • 1942

В. СНЕГИРЕВ

ИВАН ТРЕТИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Образование Русского национального государства

175456.

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

ВВЕДЕНИЕ

В 1240 г., по рассказу нашего летописца, «прииде царь Батый ко граду Киеву, со многими воинствы, и окружи град, и обседе его сила Татарская, и бе невозможно никому же из града изыти и во град внити... и взяша татары град Киев, месяца декабря в 6 день... Батый же посади в граде Киеве воеводу своего, а сам иде к Володимерю в Волынь» (Никоновская летопись). В 1241 г. завоевание Руси закончилось разгромом Галицко-Волынского княжества. Огромная территория от Волги до северо-восточных отрогов Карпатских гор и от Устья Великого на Северной Двине до нижнего течения Днестра и Прута превратилась с тех пор в улус (провинцию) золотоордынских ханов.

Главной причиной этого страшного события, помимо численного превосходства татар, была царившая в то время на Руси феодальная раздробленность. Дисциплинированной, организованной армии азиатских завоевателей Русь могла противопоставить лишь дружины десятков враждующих между собой даже во время походов русских князей, не имевших ни единого командования, ни единого плана действий. Несмотря на подлинный героизм народных масс, грудью защищавших каждую пядь родной земли, Русь, разбитая, лежавшая в развалинах, надолго потеряла свою свободу.

О невероятно тяжелом положении тогдашней России дает ясное представление сообщение францисканского монаха Плато Карпини, папского посла, ездившего в 1245 г. через южную Русь в ханскую ставку. «Когда мы псехали, — писал Карпини, — через их (т. е. русских. — В. С.) землю, мы повсюду находили бесчисленные черепа и кости мертвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город (Киев. — В. С.) был раньше весьма большой и очень многолюдный, а теперь почти разорен совсем, едва суще-

ствуует там теперь двести домов, а людей тех держат татары в тяжелом рабстве». Благочестивый монах прибавляет к этому, что от виденных им ужасов «мог бы прослезиться сам антихрист».

Таковы были непосредственные последствия феодальной раздробленности Руси и княжеских усобиц, описывая которые автор «Слова о полку Игореве» еще в XII веке жаловался:

Селлась у нас и росла усобица.
Погибало добро Даж-божья внука¹;
В княжих крамолах
Век человеческий скоротился.
Тогда по русской земле
Редко пахари кричали,
Но часто вороны вешали,
Трупье себе поделяя,
Да галки свою речь допотали,
Готовясь лететь на убоину.

Древняя Русь, «империя Рюриковичей» (выражение Маркса), не являлась государством монолитным ни в смысле этническом (племенном), ни в смысле степени культурного развития своих частей; ее расцвет относится ко времени правления Владимира I Киевского (978—1015). При его сыне Ярославле Мудром (1019—1054), в то время как расширялись границы государства, внутри его уже начался процесс распада, обусловленный развитием феодального землевладения, ростом экономического и политического могущества отдельных областей во главе с большими городами (Новгород, Чернигов, Ростов и др.) и усилением крупноземельного боярства. Единство Руси было подточено, и в XII веке страна приходит уже в состояние полной раздробленности, сопровождающейся неизбежными феодальными войнами, не прекращавшимися даже тогда, когда внешний враг находился внутри государства.

Бесконечные усобицы князей и набеги степных кочевников — печенегов и половцев — держали в страхе и напряжении население южнорусских городов и сел. Плен и рабство у своих или у кочевников, неожиданная смерть, разорение, гибель близких людей и потеря трудом нажитого имущества постоянной угрозой висели над народом. В XII веке эти бедствия усилились чрезвычайно, торговый

¹ Даж-бог — божество языческих славян. «Добро Даж-бога» — скот, кони, золото и другое имущество.

обмен почти прекратился¹ и население южной Руси потянулось в те области, где жилось спокойнее. Главная волна переселенцев направилась тогда на северо-восток; за Оку, на Верхнюю Волгу, куда уже раньше приходили переселенцы из Новгорода. В эту отдаленную Ростово-Суздальскую землю с юга долго не было прямой дороги. Когда в 1015 г. князю Глебу из Мурома, на Оке, пришлось ехать в Киев, то он сперва взял путь на северо-запад, на Волгу, пересек ее выше Твери, отсюда свернул к югу на Смоленск, чтобы по Днепру спуститься в Киев. Но к середине XII века движение непрерывных волн переселенцев «сквозе вятичей» (т. е. через нынешнюю Орловскую область и Калужский район) проложило настолько свободный прямой путь с юга на север, что по этой дороге князь Юрий Долгорукий уже водил свои полки.

В 1097 г. на княжеском съезде в Любече Суздальская земля была отдана Владимиру Мономаху, в потомстве которого она и осталась. Здесь, на северо-востоке Руси, четко определился новый тип князя, стремившегося опереться на городскую верхушку и свою княжескую дружину, состоявшую из вооруженных слуг князя, его управителей и советников (тиуны, старосты, ключники и др.). Примечательно то обстоятельство, что уже Владимир Мономах, основав город⁴ Владимир-на-Клязьме, заселил его преимущественно ремесленниками. Его младший сын Юрий, по прозванию Долгорукий, поступает так же, как отец. Он строит новые города (Юрьев, Дмитров, Константинов и др.), заселяет их купцами, ремесленниками и членами своей «младшей дружины»²; созывает из других княжеств охотников селиться у него, вывозит к себе пленных, дает поселенцам льготы и ссуды, помогает им в постройке дворов. Княжеские пожалования и разные преимущества горожанам ставили последних в непосредственную зависимость от князя, который в своей борьбе против боярства «старых» городов (Суздаль, Ростов) вполне мог рассчитывать на поддержку населения «новых» городов и на свою «младшую дружину». Князя бросают «старые» города,

¹ Это объясняется тем, что великий торговый путь из Западной Европы в Византию и Малую Азию, долгое время пролегалый через Финский залив, Волхов и Днепр (так называемая дорога «из варяг в греки»), в связи с крестовыми походами изменил свое направление и пошел на Восток через южные порты Франции, Геную и Венецию и дальше Средиземным морем.

² «Старшая дружина» состояла из бояр и мужей, «младшая» — из отроков и гридней.

насиженные гнезда боярства, родовитых и знатных представителей «старой дружины», противившейся усилению княжеской власти. Андрей Боголюбский делает стольным городом новый Владимир, неподалеку от которого, в селе Боголюбове, строит каменный замок, свою резиденцию.

В князе Андрее, прозванном современниками «самовластцем», настолько заметно сказалось стремление к единой державной, что против него составил боярский заговор, в результате которого Андрей был убит (1174). Но это все-таки не спасло боярство от поражения. После смерти Андрея Боголюбского борьба разгорелась с новой силой. В новых городах в связи с ростом ремесла и торговли протест так называемых «мизинных» людей (купецество и городские низы), а равно и мелких служилых людей против боярской эксплуатации приобрел в то время особую силу, и князь-«самовластец» в лице Всеволода Большое Гнездо (1176—1212), брата Андрея Боголюбского, вышел из борьбы победителем. Всеволод простер свою власть на Новгород и Киев, южные галицкие князья искали его поддержки, германский император Фридрих Барбаросса присылал к нему своих мастеров. Многочисленные сыновья Всеволода сидели, фактически в качестве его наместников, в разных концах Руси. Автор «Слова о полку Игореве», характеризуя могущество Всеволода, говорил, что он может «Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти»; летописи именуют его «великим князем» и впервые «господином» (до тех пор только рабы называли так своих хозяев). Правление Всеволода—время расцвета Владимиро-Суздальского княжества, о чем наглядно свидетельствовало расширение границ княжества, оживленная торговля не только со всеми русскими областями и княжествами, но и с далеким Кавказом, наличие высокой материальной культуры в виде искусных ремесленных изделий и архитектурных памятников (знаменитый Дмитриевский собор, каменный Кремль во Владимире и др.).

Однако вопреки таким несомненным успехам владимирским князьям не удалось положить хотя бы начало объединению русских земель, потому что период процветания Владимиро-Суздальской земли при Всеволоде уже таил в себе элементы ее распада. Подобно тому как после смерти Владимира Киевского, так и теперь, после смерти Всеволода, началось дробление его владений, распавшихся на пять частей. Кроме старшего, Владимирского, княжения возникли удельные княжества Ростовское, Переяславское,

Юрьевское и Стародубское. При внуках Всеволода, в период татарского ига, число удельных княжений достигает уже двенадцати. Чем дальше, тем все больше увеличивается их число, вследствие чего северо-восточная Русь быстро распадается на мельчайшие уделы, самостоятельные наследственные владения. Так, например, в XV веке на речке Андоге, среди рассеянных по ее берегам сел и деревень, не было ни одного городка, в то время как здесь находилось целых три удела. По своему укладу эти крошечные княжества походили больше на княжеские имения-вотчины, чем на государства. Самая резиденция подобного удельного князя зачастую имела вид большой боярской усадьбы. На свои княжения мелкие князья смотрели как на вотчинное хозяйство, эксплуатируемое ими исключительно в своих узких, эгоистических интересах. Как истые хозяева-вотчинники они больше всего были заняты увеличением своих «хозяйств» и вовсе не думали об общерусском деле. Отсюда, с одной стороны, неизбежно усиливается политическая и экономическая разобщенность русской земли в ее целом, с другой — не прекращаются княжеские раздоры и усобицы, вконец разоряющие население.

Однако ни феодальная раздробленность страны, ни тяжелое иноземное иго не могли искоренить в русском народе сознание единства всех русских земель. Напротив, в результате целого ряда жесточайших бедствий это сознание только окрепло и настойчиво зывало к объединению Руси. Вопрос сводился лишь к тому, как скоро может произойти такое объединение и какое княжество будет представлять всю Русскую землю. Ход исторических событий предоставил эту славную роль Москве.

Обращаясь к известиям летописей, мы встречаем в них под 1147 г. первое достоверное упоминание о Москве как о княжеском селе. Десять лет спустя летописи говорят о Москве уже как о городе, который был заложен в 1156 г. суздальским князем Юрием Долгоруким на высоком, позднее названном за свою лесистость Боровицким, холме при слиянии Москвы-реки и реки Неглинной. Под словами летописи о заложении города надо понимать построение города не в современном его значении, а в древнем, т. е. в смысле *сооружения* деревянных и земляных *укреплений*, превративших княжеское село в тогдашний город-крепостцу. Размеры этого городка были самые незначительные: Москва XII века занимала едва ли больше одной десятой части нынешнего Кремля. По внешнему своему

виду эта крепостца ничем не отличалась от обычного типа всех старинных городков северо-восточной Руси. За рвом и тыном, на валу, в центре этого поселения стояла деревянная церковь, рядом высились княжеские хоромы, большой деревянный же дом, за которым теснились служебные постройки — кладовые, амбары, конюшни, сарай. Кругом еще шумели леса, а за ними расстилались поля, перелески, луговины и поднимался дым из сел (Сушево, Кудрино, Дорогомилowo и др.), несколько столетий спустя вошедших в черту города.

В качестве большой усадьбы князя-феодала и сторожевой крепости на западной границе Владимиро-Суздальской земли Москва, после мужественной обороны сожженная в 1238 г. при нашествии Батыя, просуществовала до последней трети XIII века.

В начале 70-х годов XIII века, в малолетство Даниила Александровича, Москва превратилась в постоянную резиденцию второстепенных удельных князей из младшей линии Рюриковичей¹. Территория Московского княжества занимала тогда только среднее течение реки Москвы, а сама Москва вначале была единственным городом княжества. Однако проходит всего лишь лет пятьдесят, и Москва при Иване Даниловиче становится резиденцией уже самого богатого, иначе говоря, самого сильного князя в северо-восточной Руси, которому ханы дают в 1328 г. ярлык (письменный указ) на великое княжение.

Причины, обусловившие столь быстрое возвышение Москвы, в основном сводятся к следующему. Сравнительная безопасность московского, как тогда говорили, «залесского», края от татарских набегов² передвинула в него население из других окраинных княжеств и тем самым подняла его производительные силы. Это обстоятельство в свою очередь укрепило экономическую и политическую силу московских князей, которые к тому же сумели ис-

¹ Первым московским князем очень недолго (года два) был Михаил Хоробрит, убитый в 1248 г. в битве с литовцами. То, что Москва стала уделом младшего сына Александра Невского, свидетельствует о ее положении среди других городов Суздальщины. В то время выше Москвы стояли такие, впоследствии захудалые городишки, как Переяславль-Залесский и Городец-Волжский.

² О начале княжения Ивана Калиты (калита — значит кошель, денежный мешок) летописец говорит так: «И бысть оттого тишина великая по всей Русской земле на 40 лет, и пересташе татарове воевати Русскую землю» (Никоновская летопись). Только один раз, в 1293 г., Москва подверглась татарскому набегу, который, впрочем, не отразился на росте населения всего княжества.

пользовать выгодное географическое положение Москвы, лежащей в центре междуречья, образуемого течением Волги, Оки и верховьев Днепра. Москва связывала север с югом и восток с западом. Скрещение торговых путей дало возможность Москве устроить на территории своей области целый ряд мытных дворов, т. е. таможен, взимавших большие пошлины с транзитных торговых караванов. От этих сборов, попадавших в хорошие руки, быстро богатели княжеская казна. Московское купечество, обогащавшееся и крепнувшее с каждым годом, стремилось захватить все русские торговые пути на всем их протяжении, а потому энергично поддерживало московских князей, «собираателей русских земель». Такую же поддержку оказывала им и церковь (перенесение в 1326 г. митрополии из Владимира-на-Клязьме в Москву).

К этому следует прибавить, что первые московские князья, в особенности же Иван Калита, были осторожные, дальновидные правители, умевшие лавировать и выжидать нужный момент. Понимая всю невозможность открытого выступления против Золотой Орды, они ладили с ее ханами, поручившими Москве сбор общерусской дани. По замечанию Маркса в «Секретной дипломатии XVIII века», политика ханов заключалась в том, чтобы «натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, уравнивать их силы и никому из них не давать усиливаться». Но московскому князю Ивану Калите удалось превратить хана «в послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших своих соперников и одолевает любое препятствие... Он не завоевывает уделов, но незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам». Действительно, руку Ивана Калиты скоро почувствовали и Тверь, соперница Москвы, и Новгород, город-республика.

Товарищ Сталин указывает: «На востоке Европы... интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹. Население разных русских областей и княжеств — бояре, служилые и торговые люди, ремесленники и крестьяне — потянулось тогда в спокойное Московское княжество, как к новому центру всей Руси. О разме-

¹ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939, стр. 97.

рах тогдашних переселений в Москву дает достаточное представление следующий случай. Еще в начале XIV века «выехал», как тогда выражались, на службу к московскому князю знатный черниговский боярин Родион Нестерович и привел с собой сразу целый двор в 1700 человек.

Так было положено Москвой прочное начало собиранию русских земель.

Об исключительно важном значении правления Ивана Калиты говорят и успехи материальной культуры тогдашней Москвы. При Калите впервые были сооружены в Кремле каменные храмы, а вслед за этим произошла коренная реконструкция всего Кремля (1339—1340). Башни и стены нового Кремля, расширившегося до двух третей нынешнего, были возведены из векового, необычайной толщины и крепости старого дуба («Заложен град Москва дубов», — повествует летопись), который, по свидетельству современников, «было ни сломать, ни сжечь». Надо постараться мысленно представить себе в целом это исполинское сооружение, все эти стрельницы (башни) и стены из дубов-колоссов (судя по археологическим находкам, аршин в диаметре), чтобы понять, что создание Калиты было в северной Руси сооружением, дотоле невиданным и наглядно свидетельствовавшим о политическом и экономическом подъеме еще не так давно маленькой Москвы. За стенами этого дубового Кремля быстро разрастался торговый посад, будущий Китай-город. Новопостроенные кремлевские храмы вскоре были украшены стенописью, работой «греческих выучеников», русских мастеров Гайтана, Ивана и Семена. Тогда же в Москве начали работать искусные литейщики.

Семен Гордый (1341—1353), преемник Калиты, продолжал линию поведения своего отца, благодаря чему город Москва продолжал расти, а в Московском княжестве население с каждым годом увеличивалось. Характерно прозвище Семена — Гордый, указывающее на положение, какое он занимал среди других русских князей. По выражению летописца, все русские князья были «даны ему в руце», и он обращался с ними не как с равными, а как с подчиненными.

При племяннике Семена Гордого Дмитрии Ивановиче (1359—1389) Московское княжество настолько уже окрепло и расширилось, что в 1380 г., призвав под свои знамена другие русские княжества, могло с оружием в руках открыто выступить против Золотой Орды и нанести полчищам Мамай страшное поражение на Куликовом поле. Несколькими раньше этого события московский Кремль опять

подвергся коренной перестройке. В 1367 г. он попутно с новым расширением своей территории был впервые окружен каменными стенами с такими же башнями и железными воротами. Возведение этих мощных укреплений не замедлило дать свои практические результаты. В ближайшие же годы Москва с успехом отразила два нашествия литовского князя Ольгерда (1368—1370), а хану Тохтамышу, осадившему Москву в 1382 г., удалось взять и разграбить Кремль только вследствие предательства нижегородских князей, находившихся в татарском лагере. У Москвы хватило в то время сил не только отбить нападение Литвы, но и нанести ей в 1372 г. тяжелое поражение у Любутска.

Летописец очень верно оценил политическое значение новых каменных стен Москвы, сильно облегчавших ее князьям нелегкую задачу удерживать за собой старшинство над другими князьями и успешно продолжать дело, начатое Калигой. «Князь великий Дмитрий Иванович, — сообщает летописец, — заложи град Москву каменну и начавши делати беспрестани; и всех князей русских провожаше под свою волю, а которые не повинухуся воле его, и на тех нача посягати». И действительно, при Дмитрие Донском закончилась, например, длительная борьба Москвы с Тверью, соперником московских князей, в вопросе гегемонии над русскими княжествами. Правда, Тверское княжество официально не было еще тогда ликвидировано, но фактически оно уже стало вассалом Москвы. Это было новым, очень тяжелым ударом для Литвы, так как Тверь являлась ее агентом на Руси.

Но главное бедствие древней Руси — по выражению Маркса, «кровавое болото монгольского ига», которое «оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹, — все еще не было сброшено Москвой. Пушкин по поводу татарского владычества заметил: «Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля».

Развитие Руси и Золотой Орды шло в диаметрально противоположных направлениях: в то время как в Орде созревали элементы распада, среди русских княжеств шел неуклонный процесс образования сильного национального государства. Однако, хотя расширение Московского княжества и объединение вокруг него русских земель, раз начавшись, шли безостановочно, потребовался целый век со дня великой Куликовской битвы, чтобы Россия окончательно

¹ Маркс, Секретная дипломатия XVIII века.

но ликвидировала свою зависимость от Орды. Но прежде чем это произошло, нашей родине пришлось пережить в первой половине XV века последние «судороги» феодальной раздробленности, когда моментами могло показаться, будто старое, отжившее берет верх над новым, неизбежно грядущим ему на смену.

Г Л А В А I

Почти все долгое правление Василия II (1425—1462) прошло в жестоких княжеских усобицах. Строй феодальной раздробленности, возглавляемый удельным князем, отчаянно боролся с новым политическим началом — самодержавием, тогда выразителем идеи единого национального государства. В удельных княжествах престол переходил не от отца к сыну, а к старшему в роде. Но в Московском княжестве, хотя еще и не была изжита удельная система, фактически установился несколько иной порядок престолонаследия: здесь князь обычно «отказывал» по духовной великокняжеский престол (или, по тогдашней терминологии, «старший путь») старшему сыну, остальных он награждал уделами и определенной долей в общекняжеских доходах. Если князь умирал бездетным, то престол переходил к старшему после него брату.

Пока московский княжеский род был малочислен, споров о наследстве не возникало. Но ко времени вступления на престол Василия II обстановка в этом отношении изменилась, потому что род Даниловичей сильно разросся. Вследствие этого в самом Московском княжестве уже началось дробление земель на уделы-вотчины, шедшее вразрез с процессом складывания единого государства и централизации власти. Назревал кризис, борьба между старым и новым обострилась, выход был только один: решительная ликвидация самого принципа деления земель на уделы-вотчины. Но старый, отходивший в прошлое строй не сразу и не легко признал себя побежденным.

При вступлении на престол Василий II встретил упорного соперника в лице своего дяди Юрия Дмитриевича, князя Галича Мерского. Дело скоро дошло до открытой войны между ними, в которой самое активное участие принимали сыновья Юрия Дмитриевича, в особенности Дмитрий Шемяка.

Это была свирепая междоусобная борьба феодалов-родственников, во время которой стороны находили возможным действовать какими угодно способами, лишь бы только добиться успеха. Все было пущено тогда в ход: подкуп, нарушение клятвенных обязательств, интриги в ханской ставке, открытое насилие, отравление, тайное предательство; всякая жестокость считалась дозволенной.

Василий не раз терял Москву, казался побежденным, но, как это ни странно на первый взгляд, в действительности всегда выходил победителем. Так, в 1433 г. он был разбит Юрием Галицким, который, заняв Москву, отдал Василию в удел Коломну. В этот город, рассказывает летопись, к побежденному князю «пойдоша с Москвы без престани» бояре, воеводы, «слуги дворские» и т. д. Они отправились в Коломну с наиболее ценным своим имуществом. В несколько дней Москва опустела, в то время как в Коломне недоставало места в домах для людей, а на улицах для обозов. И не только из Москвы, но и из других городов потянулись тогда люди разных сословий в Коломну, которая на время превратилась в подлинную столицу Московского княжества.

Объясняется это тем, что московские бояре и разные «слуги вольные», тесно связанные службой и экономическими интересами со стольным городом, играли в нем главную, ведущую роль. Вокруг Москвы были расположены их вотчины и поместья, в самой Москве стояли их хоромы и богатые дворы с многочисленной челядью. Московский князь опирался на эти общественно-политические группировки; так же при наследовании престола поступал и его сын, преемник по управлению. В случае же перехода престола по старшинству, от брата к брату, каждый новый князь, до тех пор удельный, водворялся в Москве со своими боярами и дворянами, разумеется, оттеснявшими на задний план местных, московских. Это неизбежно отзывалось на положении московского купечества и ремесленного люда, которые тоже не хотели служить «пришлому» князю.

В таких обстоятельствах Юрию Дмитриевичу волей-неволей пришлось уступить, отдать Москву Василию Васильевичу, а самому уехать к себе на север, в Галич. И позднее, когда после смерти Юрия Дмитриевича (1434) его сын Василий Косой захватил было Москву ему не удалось удержать ее за собой. Опять Василий Васильевич оказался победителем. Побеждал, строго говоря, не он сам, а московские бояре, дворянство, церковь, город, население посада,

короче, побеждали новые социально-политические отношения.

Помимо длительной и кровавой борьбы с родными, помимо необходимости постоянно считаться и быть настороже в отношении верховных золотоордынских ханов, Василию II пришлось вести тяжелую борьбу с казанскими татарами.

Хан Улу-Мухаммед, изгнанный из Золотой Орды, в 1437 г. появился на русской границе и здесь благодаря двуручничеству литовского воеводы нанес серьезное поражение войскам, высланным против него Василием. После этого хан переправился за Волгу и захватил земли бывшего Болгарского царства¹, убив княжившего здесь туземного «вотчича» (наследственного князя). Центром нового ханства стал город Казань, расположенный в малодоступной болотистой местности, на крутом холме, на берегу речки Казанки, притока Волги. С тех пор казанские татары стали производить частые набеги на русские земли.

Когда в 1445 г. сыновья Улу-Мухаммеда появились в пределах Московского княжества, Василий самолично пошел против них. Столкновение произошло летом близ Суздаля. Московское войско было малочисленно, всего лишь около полуторы тысяч, потому что полки союзных князей не успели еще собраться, не подошли и союзные татары, а Дмитрий Шемяка вовсе не пришел, хотя за ним много раз посылали гонцов. Благодаря значительному превосходству сил казанцы одержали над русскими полную победу. Василий сражался с необычайным мужеством: у него была прострелена рука, отсечено несколько пальцев, изранена вся голова, а плечи и грудь были синие от ударов. Наконец, он был взят в плен вместе с двоюродным братом князем Михаилом Андреевичем.

Известие о плене великого князя произвело потрясающее впечатление. По словам летописца, в Москве поднялся «плач великий и рыдание». Ожидали, что татары двинутся теперь на Москву, и спешили под защиту кремлевских стен. Однако и там не нашли безопасности, так как за одной бедой по следам шла другая: в Москве произошел такой страшный пожар, что сгорели, повидимому, не только все деревянные постройки столицы, в том числе и великокняжеский дворец, но даже были разрушены каменные стены Кремля. Казны и всякого товара сгорело множество, потому что в те тревожные дни жители разных городов поспешили в Москву

¹ Государство волжских болгар, существовавшее в IX—XIV веках, в последний раз упоминается в летописях под 1431 г.

и сели там в осаде. Людей погибло тоже очень много, по некоторым известиям, около 3 тысяч. Семейству Василия негде было жить, и великая княгиня Марья Ярославна с малолетними сыновьями бежала на север, в Ростов.

Но казанцы и не думали идти на Москву. Улу-Мухаммед отправил от себя посла к Шемяке, предлагая ему стать под протекторатом Казани великим князем и обещающая держать Василия в вечной неволе. Шемяка, разумеется, охотно принял ханское предложение, которое должно было укрепить и как бы «узаконить» его давнишние стремления. Но его послы с ответным письмом к хану почему-то задержались в пути. Улу-Мухаммед не знал, чему приписать такое замедление, и, будучи встревожен внутренними делами Казани, предпочел покончить с Василием миром. Он заключил с ним договор о дружбе и освободил своего пленника под условием огромного для того времени «купа» (выкуп) в 200 тысяч рублей¹. В некоторых летописях намекается, что кроме этого в договоре, очевидно, были еще какие-то другие условия: «а иное бог весть да они (т. е. Василий и хан. — В. С.) между собой».

На обратном пути в Москву Василия везде встречали торжественно и радостно, словно после его победы над врагом. Но нерадостен был въезд великого князя в стольный город, который не успел еще оправиться от чудовищного пожара и являл на каждом шагу печальные следы недавнего бедствия. Василию пришлось остановиться за Кремлем, на дворе своей матери Софьи Витовтовны, расположенном там, где теперь стоит старое здание Ленинской библиотеки (бывший Румянцевский музей). Потом он перебрался в Кремль и поселился на дворе выезджего литовского князя Юрия Патрикеева.

В поисках сильного союзера вместе с Василием в Москву приехало тогда много служилых татарских князей со своими людьми. И до этого времени Василий принимал к себе на службу знатных татарских выходцев и давал им так называемое *Кормление*². Русские князья путем использования татарских служилых людей вели борьбу с татарами же. Но современники Василия думали не так: они роптали даже тогда, когда при Василии Дмитриевиче, отце Василия II, давались кормления выезджим литовским князьям православного вероисповедания. Еще более

¹ Примерно 4 миллиона рублей, считая по-теперешнему на золото.

² Древнейший способ содержания должностных лиц в виде сборов натурой и деньгами с управляемого ими населения.

возбудила их негодование подобная мера в отношении татар-магометан, с которыми было связано представление о набегах, жестокостях и даних. Когда же на население были наложены тяжелые подати, чтобы собрать «казанский окуп», неудовольствие распространилось в стенах самой столицы. Этим обстоятельством воспользовались Шемяка и его сторонники, среди которых был князь Иван Можайский.

Они очень искусно распространили слух, будто бы Василий обещал по договору отдать хану все Московское княжество, а себе оставить только одну Тверь. Составился заговор во главе с Шемякой. К заговорщикам присоединился тверской князь Борис Александрович, поверивший, или сделавший вид, что верит, в замысел Василия отнять у него его наследственное владение.

175/456. Тем временем Василий, ничего не подозревая, отправился, по обычаю того времени, на благодарственное богомолье в Троице-Сергиевский монастырь. В его отсутствие Шемяка с князем Можайским легко захватили Кремль, а тем самым и всю Москву. На следующий день хитростью они захватили в монастыре и самого Василия. Он был привезен в Москву, где на четвертый день, ночью, на дворе Шемяки его ослепили, откуда и повелось его народное прозвище «Темный». После этого Василия с женой сослали в дальний Углич; там их содержали под стражей, а Шемяка объявил себя великим князем. На этот раз положение Василия казалось совершенно безнадежным.

Детей Василия, Ивана и Юрия, преданные ему люди успели спрятать в монастыре, а затем отдали под защиту князей Ряполовских, которые, составив небольшую дружину, уехали с княжичами на Оку в укрепленный Муром. Немного спустя Шемяке удалось путем обмана добиться от Ряполовских выдачи детей Василия, которых он отправил к отцу в Углич.

Многие князья и бояре, сторонники Василия, видя его, казалось бы, теперь несомненно безнадежное положение, «отъехали», как тогда выражались, к литовскому великому князю. Зато остальные московские бояре, весь великокняжеский двор и многие служилые люди потянулись к Мурому, где в пользу Василия энергично действовали Ряполовские. Шемяке так и не пришлось воспользоваться плодами своей, повидимому полной, победы. Испуганный с каждым днем разрастающимся движением в пользу своего побежденного соперника, он под настойчивым давлением митрополита Ионы и других представителей

высшего духовенства освободил Василия и дал ему в удел Вологду. Предварительно он взял с него «проклятые (т. е. клятвенные. — В. С.) грамоты» никогда не «искать» больше великого княжения.

С переездом Василия в Вологду повторилась та же история, что в 1433 г. Как тогда в Коломну, теперь в Вологду целыми толпами стали приезжать на службу к Темному, настоящему великому князю, бояре, князья, дворяне и др. В то же время Трифон, игумен Кирилло-Белозерского монастыря, снял с Василия клятвенное обещание Шемяке как данное по принуждению. Теперь Василий мог предпринять поход против Шемяки для восстановления своих прав. На этот раз к Темному присоединился Борис Тверской; их союз был скреплен обручением в 1447 г. семилетнего княжича Ивана с пятилетней Марией, дочерью Бориса.

Положение Шемяки, выступившего навстречу Василию, было весьма неблагоприятное. Шемяка, тяготевший к удельным порядкам, не мог снискать популярность в Москве, в которой уже успел составиться большой заговор в пользу изгнанного Василия. Завися от князей, своих сторонников, Шемяка рядом договоров с ними по существу восстановил в Московском княжестве уделы. Удельные князья, чувствуя себя хозяевами положения, спешили наверстать потерянное: своим надменным поведением и разными притеснениями они восстановили против себя бояр, дворян и верхушку купечества, так называемых «гостей», наглым вымогательством, почти открытым грабежом, они озлобили население посада, не находившего на них управы в суде Шемяки¹.

Учитывая оппозиционное настроение Москвы, воевода Василия Плещеев с небольшим отрядом смело подошел к столице княжества и без боя занял ее. Через несколько дней Василий II попрежнему обосновался в своем стольном городе, с тем чтобы удержать его за собой уже до самой смерти.

Впрочем, междоусобица на этом еще не кончилась. Шемяка еще несколько лет продолжал борьбу, нападая на великокняжеские города и грабя отдельные волости. Под конец он пытался поднять против Василия Новгород Великий, который охотно принял к себе врага Москвы; здесь в 1453 г. Шемяка, по словам летописи, «испусти нужно

¹ Отсюда и пошло народное выражение «Шемякин суд» как олицетворение суда неправого, несправедливого.

душу», т. е. умер, как тогда думали, отравленный людьми, подосланными Москвой. Сын его Иван бежал в Литву.

Таковы были бурные события детских лет и отрочества княжича Ивана, родившегося в 1440 г. Он видел вокруг себя кровопролитие, набеги татар, измену, ослепление отца и лишение его престола, нарушение клятвенных обязательств; он пережил страшные дни в Троице-Сергиевском монастыре, потом бегство в Муром, ссылку в Углич; он видел восстановление своего отца в его правах и, наконец, услышал о смерти Шемяки, заклятого врага своей семьи и Москвы. Подрастая, он не мог не понимать, что из межкняжеской усобицы Московское княжество, со времен Ивана Калиты начавшее собирать русскую землю, вышло ослабевшим, что великокняжеская власть была подорвана, авторитет великого князя упал, а с Москвой те же татары стали считаться заметно меньше.

Все это, несомненно, должно было произвести на Ивана очень сильное впечатление, на всю жизнь оставить свой глубокий след, потому что, по некоторым, правда, косвенным, известиям он был ребенком, умственно и физически развитым не по летам. Рано поняв все зло, проистекавшее от удельных порядков (вернее, беспорядков), от «самовластия» Новгорода и владычества над Русью все еще грозных татар, он никогда не мирился ни с тем, ни с другим и посвятил всю свою жизнь на борьбу с ними.

После своего восстановления на московском престоле Василий Васильевич, как бы желая приучить народ видеть Ивана правителем, старался постоянно держать его на виду. Благодаря этому мы имеем нечто вроде «послужного списка» юного княжича за целый ряд лет: в 1448 г. Иван был в войске, ходившем против хана Мамутека; в 1449 г. он был с отцом в походе против Шемяки; с 1450 г. он, в десятилетнем возрасте, уже называется во многих грамотах великим князем, рядом со своим отцом; в 1451 г. он был опять вместе с отцом, когда тот уехал на север собирать войска против ногайского царевича Мазовши. В 1452 г. Иван, двенадцати лет от роду, был обвенчан с княжной Марией Борисовной и в том же году ходил с войском, посланным на реку Кокшенгу против Шемяки; в 1454 г. он охранял с братом Юрием берег Оки от татарского царевича Салтана; в 1459 г. защищал эти же места от хана Седи-Ахмата, а в 1460 г. снова оберегал переправу через Оку от татарского набега.

В такой суровой обстановке складывался и закалялся характер княжича Ивана Васильевича. Его образ жизни,

юноши, рано возмужавшего, не был похож на образ жизни московских царевичей XVII века, проживавших замкнуто в Кремле до момента «объявления» их народу, в шестнадцатилетнем возрасте. Да и после этого они, как общее правило, никогда не стояли так близко, лицом к лицу, к сложным социально-политическим событиям своего времени, как это случилось с Иваном, который уже в юности стал действительным соправителем своего отца.

Бурное правление Василия Темного после поражения в 1450 г. Шемяки под Галичем (последняя значительная битва удельного времени) в дальнейшем было очень благополучно для московского князя. Если предшествующий период правления Темного ослаблял позицию Москвы и мешал ей в достижении издавна поставленных себе целей, то теперь, наоборот, она быстро стала наверстывать упущенное. В 1456 г. Василий силой оружия смирил Новгород, наказал его тяжелой контрибуцией и отнял многие права и преимущества у его веча. В том же году был присоединен к Москве удел князей Боровских, а вскоре Псков под угрозой нападения со стороны ливонских рыцарей резко изменил свое отношение к Москве. В 1460 г. псковичи обратились к великому князю с мольбой о покровительстве: «есмя пробижены от поганых немцев и водою, и землею, и головами». Приняв под свою защиту вольный город Псков, Василий II отправил туда своего наместника. Рязанская земля, князь которой Иван Федорович перед смертью (1456) оставил Темному на попечение своего восьмилетнего сына Василия, оказалась в вассальной зависимости от Москвы. В малолетство Василия и в самой Рязани и в других рязанских городах правили московские наместники. Очень показательно то обстоятельство, что в последние десять лет княжения Темного, по видимому, уже переставшего платить дань Орде, все набеги татар на Москву потерпели неудачу.

Таким образом, смерть Шемяки явилась эпилогом той феодальной войны, в конечном результате которой окрепли элементы *нового порядка*, приводившие к усилению великокняжеской власти на *основе объединения* под ее верховенством русских земель. Такого объединения настоятельно требовали тогда международная обстановка и оборона страны от внешних врагов. Одновременно с этим ему сильно способствовало развитие экономических связей отдельных областей и земель, по мере того как постепенно падали политические перегородки, отделявшие до толе одно русское княжество от другого.

Василий II умер в 1462 г., утвердив своим завещанием великое княжение за старшим сыном Иваном Васильевичем, вместе с третью всех московских доходов. Никто из князей уже не пытался оспаривать прав Ивана III на это наследие.

Г Л А В А II

Три задачи стояли перед двадцатидвухлетним Иваном Васильевичем при вступлении его на московский престол. Ему надлежало подчинить и присоединить к Москве оставшиеся еще самостоятельными русские княжества и вольные города-республики, окончательно ликвидировать зависимость Москвы от Золотой Орды и дать отпор на западных рубежах агрессии польско-литовских панов и ливонских рыцарей.

Для разрешения первой задачи очень важно было покончить прежде всего с независимостью Новгорода Великого и Тверского княжества, долго бывшего опасным соперником Москвы. Но время для этого, по мнению Ивана, всегда действовавшего с разумной осторожностью, еще не пришло. Он вообще не одобрял слишком решительных и быстрых мер своего отца. Так, он считал за лучшее упразднить уделы по возможности мирными средствами: тесным сближением с удельными князьями путем договорных грамот, требованием от князей умеренного вознаграждения за свое покровительство и прекращения всяких сношений с врагами Москвы, убеждением князей, умиравших бездетными, отказаться ему свои владения, экономическим воздействием в виде прекращения торговли и т. п.

При таком отношении к малым владетелям Иван, разумеется, был столь же умеренно настроен в отношении Твери и Рязани. Он заключил договор со своим шурином князем Михаилом Тверским как с братом и равным ему великим князем; обещал не требовать для себя никакого старшинства и не принимать от хана ни Твери, ни Кашина. Равным образом он поступил вполне дружески в отношении Рязани, которой уже управляли московские наместники, а малолетний князь Рязани Василий даже воспитывался в Москве. Иван легко мог присоединить рязанские земли к своим владениям. Вместо этого он выдал свою младшую сестру за шестнадцатилетнего Василия и послал его, правда под своей опекой, княжить в Рязани.

Он проявил такую же умеренность и в отношении Пскова, несмотря на то, что псковичи изгнали наместника князя

Владимира Андреевича, присланного из Москвы еще Василием II. Иван простил псковичам этот дерзкий поступок, утвердил наместником князя Ивана Звенигородского, избранного самими псковичами, а затем прислал войско, чтобы наказать ливонских немцев за нарушение мира с Псковом. Немцы понесли в 1464 г. очень серьезное поражение и поспешили заключить перемирие на девять лет. Москва потребовала, чтобы владетельный епископ города Дерпта заплатил дань великому князю и в дальнейшем не притеснял бы в своем городе ни жителей русской слободы, ни русских церквей.

В следующем, 1465 году возникла было для Ивана большая внешняя опасность. Иван занял московский престол без согласия на то хана, но все еще числясь данником Золотой Орды. Повидимому, в течение первых трех лет он ничего не платил Орде, и хан Ахмат решил прибегнуть к оружию. Собрав значительные силы, он двинулся на Москву, но в это время против Ахмата выступил крымский хан Ази-Гирей. Орда восстала на Орду, между ними началась кровопролитная война, от которой Русь счастливо осталась в стороне.

Несмотря на то что внешние обстоятельства приняли столь благоприятный оборот, внутри страны в то время царило уныние. Этому способствовали очень серьезные общественные бедствия. От чрезвычайного холода, ранних и долгих морозов погибал хлеб в полях. Два года подряд в мае выпадал глубокий снег, губивший все произрастания. Свирепствовала эпидемия, называемая в летописях «железою» («аще у кого явится железа, то на третий или на третий день умираше», — сообщает потомству современник). За два года от этой эпидемии погибло, по некоторым известиям, 250 тысяч человек, из них в одном Новгороде около 50 тысяч, и тогда же «бысть мор лют и множество людей изомре по дорогам, и на Москве, и по иным городам и селам».

Таким образом, общая обстановка не представляла в то время благоприятных возможностей для широких предприятий, и в течение трех лет (1467—1469) Иван Васильевич ограничился наступлением на Казань. Эти походы, во время которых воевода Холмский наголову разбил татар под Муромом, хотя и не дали решительных результатов, все-таки произвели в Казани крайне сильное впечатление: за время следующих десяти лет почти не встречается известий о нападении казанцев на русские окраинные земли.

Восбще до начала 70-х годов правление Ивана III не

было ознаменовано никакими особо выдающимися событиями, если не считать начавшихся в 1469 г. переговоров о его втором браке.

История этого брака вкратце такова. Вскоре после завоевания Константинополя турками (1453) в Италию бежал Фома Палеолог, брат последнего византийского императора Константина XI. Умирая, Фома назначил опекуном своих детей, в том числе и малолетней Зои, кардинала, грека Виссариона, бывшего никейского патриарха, принявшего Флорентийскую унию¹, оставшегося жить в Италии и пользовавшегося там большой популярностью. Виссарион никогда не расставался с мыслью освободить греков от турецкого ига и восстановить Византийскую империю. Он настойчиво проповедывал крайнюю необходимость нового крестового похода против мусульман, что совпадало, между прочим, и с тогдашними видами папского престола. Одним из способов достигнуть своей заветной мечты Виссарион считал брак Зои Палеолог с кем-либо из христианских государей, заинтересованных в деле освобождения греков. После нескольких безрезультатных проектов Виссарион обратился к Москве, единой верной грекам.

О значении России, ее величине и могуществе кардинал должен был быть достаточно осведомлен от представителей Москвы на Флорентийском соборе. Но он, несомненно, имел о ней и гораздо более свежую информацию.

В 1467 г. умерла первая жена Ивана III, Мария Тверская, а в феврале 1469 г. в Москву приехал грек Георгий (Юрий Траханиот русских летописей) в сопровождении итальянцев Джисларди и Вольпе с письмом Виссариона к Ивану III, в котором кардинал предлагал великому князю руку Зои Палеолог. Обращение Виссариона объясняется следующим. В Москве тогда уже проживали итальянцы и в числе их не так давно вступивший в русскую службу Джан Батиста делля Вольпе, по-русски Иван Фрязин, занимавший должность великокняжеского «денежника», т. е. чеканщика монеты. Московские итальянцы, частью уже обрусевшие, не порывали связей со своей родиной; они (очевидно, именно

¹ В 1439 г. на церковном соборе во Флоренции между римско-католической и греческой (православной) церквами состоялась уния (соглашение), согласно которой православная церковь, сохраняя свой внутренний строй и обряды, признала главенство папы римского. Представитель Москвы митрополит грек Исидор присоединился к унии, которая была категорически отвергнута Москвой. В дальнейшем это соглашение осталось только на бумаге и не было проведено в жизнь.

Иван Фрязин) уведомили Виссариона о смерти великой княгини Марии и о возможности женитьбы русского государя на Зое Палеолог.

После обсуждения с митрополитом, матерью и боярами предложения Виссариона Иван Васильевич для окончательных переговоров и смотрины невесты командировал в 1470 г. Ивана Фрязина в Рим. Вернулся оттуда великокняжеский «денежник» в 1471 г. с согласием Зои и с ее портретом («Царевну на иконе написав, принесе», — сообщает летопись). В январе 1472 г. Иван Фрязин с двумя боярами вторично отправился в Рим, где состоялся обряд обручения Зои с Иваном III, особу которого представлял его «денежник». В ноябре 1472 г. Иван Фрязин благополучно доставил Зою, отныне Софью, в Москву, где в тот же день состоялось ее бракосочетание с великим князем по православному обряду.

Еще до приезда Софьи Палеолог в Москву Иван сделал самый важный шаг в объединении русских земель — решительное наступление на самостоятельность Новгорода Великого. Этот богатый город-республика, «глава русских республик», по выражению Маркса, играл очень важную посредническую роль в торговле между Западной и Северо-Восточной Европой. Крупная торговля Новгорода, составлявшая его особенность по сравнению с другими русскими землями XIV—XV веков, создала ему влиятельное политическое положение. Господствующий класс Новгорода состоял из боярства, эксплуатировавшего обширные земли и угодья, и крупнейшего купечества, в руках которого была «заморская» торговля. Действительная власть в Новгороде принадлежала им, а не вече, являвшемуся собранием всех свободных людей, включая сюда и жителей ближайших пригородов. Когда-то вечевой строй давал возможность народным массам бороться с боярской аристократией, но к XV веку вече, верховный орган Новгородской республики, превратилось в арену деятельности олигархов, власть которых становилась невыносимой. Феодалная эксплуатация бояр, к которой присоединилась и эксплуатация со стороны купеческого капитала, сильно обострила в Новгороде классовую борьбу в XIV—XV веках.

Хотя Новгород был феодальной республикой, он имел и князя. С конца XIII века установился порядок, по которому новгородским князем становился тот из северо-восточных русских князей, кто получал великое княжение. Но отношения между великим князем и Новгородом строились на договорных началах: князь в Новгороде рассматривался в

качестве посторонней силы, призванной за определенные доходы защищать мечом от врага новгородские земли. В отсутствие князя княжеским представителем был его наместник.

Московские князья еще со времени Ивана Калиты (первого великого князя из династии московских князей) постоянно боролись с Новгородом, часто имели успех, брали с богатого города большие дани, но никогда не могли окончательно подчинить его своей власти. Под конец жизни Василия Темного отношения московского государя к Новгороду снова стали очень натянутыми. Когда Иван III вступил на престол, новгородские правители начали действовать решительнее и враждебнее: они снова стали распоряжаться в землях, давно уже уступленных Москве, задерживать пошлины, следовавшие великому князю, дурно обращаться с его наместниками и т. д.

Иван терпел это отчасти вследствие того, что был занят тогда казанскими делами, отчасти и потому, что ждал, пока вопрос достаточно созреет. В своих сношениях с Новгородом Иван подтверждал, что Новгород является такой же его, Ивана, «отчиной», как и остальные русские земли, но вместе с тем московский государь строго соблюдал в этих сношениях «старину». Так, например, когда другой город-республика, «младший брат» Новгорода, Псков, несколько раз (в 1463, 1464, 1468 и 1469 гг.) просил себе особого епископа, чтобы не быть в подчинении у Новгорода в церковных делах, Иван на это не согласился. Несмотря на такое поведение великого князя, большинство правящей верхушки Новгорода заняло явно недружелюбную позицию в отношении Москвы, издавна поддерживавшей в торговой республике ее демократические элементы.

Угроза для новгородской самостоятельности со стороны Москвы обострила внутренние отношения в самом Новгороде и создала в нем две группировки, из которых одна искала себе союзников в Польско-Литовском государстве. В эту группировку, возглавляемую вдовой посадника Марфой Борецкой с сыновьями, входила значительная часть крупноземельного боярства и лучшего купечества. Бояре боялись с утратой Новгородом его самостоятельности потерять и свои земельные владения, купечество видело в Москве страшного конкурента для новгородской торговли с Прибалтикой и Западной Европой. Московский летописец рассказывает, что сторонники литовской ориентации кричали на вече: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися отчиною его; вольные есьми люди Великий

Новгород, а Московский князь великий многие обиды и неправду над нами чинит. Но хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира».

В начале 1471 г. Новгород заключил с Казимиром IV договор, по которому Казимир обещался оружием защищать Новгород, а тот со своей стороны обязывался платить королю подать по старым договорам. Иначе говоря, Новгород официально признал себя вассалом иноземного государя. Кроме того, впоследствии историограф Карамзин обнаружил между бумагами Кенигсбергского архива крайне интересное письмо гроссмейстера (правителя) Ливонского ордена, датированное тем же годом, к гроссмейстеру Тевтонского ордена, где было сказано, что новгородцы заключают с ливонцами союз против московского великого князя и нервных псковичей¹.

Поведение новгородцев и без соглашения с прибалтийскими немцами, исконными врагами русской земли, было явной изменой, и весной 1471 г. Иван выступил против республики. В состав великокняжеской армии входили отряды нескольких русских княжеств и земель. Это дало летописцу повод сравнить войско Ивана III с всероссийским ополчением, собранным в 1380 г. Дмитрием Донским против Мамаю. Сравнение верное, ибо поход Ивана Васильевича, несомненно, тоже носил характер общерусского.

Основные владения Новгорода были окружены со всех сторон великокняжескими войсками. Битва, происшедшая летом 1471 г. на берегах реки Шелони, решила судьбу города-республики. Несмотря на численное превосходство новгородцев, выставивших большое ополчение (40 тысяч человек), они были разбиты воеводой князем Холмским, лучшим полководцем Ивана III. Победа Холмского объясняется тем, что московская армия была по-новому централизована и подчинена единому командованию, в то время как в новгородском войске каждый полк, организованный тем или другим феодалом, действовал сепаратно. Что причина поражения новгородцев была именно эта, видно из того, что одновременно другой, четырёхтысячный отряд московских войск под началом воеводы Образца разбил на берегах Северной Двины двенадцатитысячное новгородское войско.

Военное сопротивление Новгорода было сломлено, и новгородские послы приняли все условия великого князя.

¹ Узнав о договоре с Казимиром, псковичи сняли с себя «крестное целование» Новгороду и активно приняли сторону Ивана III.

Формально Новгород сохранил свое независимое устройство, но вместе с тем он отказался от самостоятельной внешней политики, взял на себя обязательство уплатить Москве большую контрибуцию и впервые в официальном документе назвал себя «отчиною великого князя Московского».

Отныне Иван III был хозяином Новгорода. По существу, вопрос о независимости старинной республики уже был решен в желательном для Москвы смысле, как это и подтвердили события ближайших же годов. В 1476 г. Иван Васильевич приехал в Новгород для разбора жалоб населения новгородского посада на разные притеснения со стороны бояр и посадников. Великий князь воспользовался этим, чтобы забрать в свои руки суд и расправиться с частью новгородской знати, все еще не терявшей надежды получить помощь от Литвы — Польши. Иван Васильевич, делая вид, будто он не затрагивает искони вечных новгородских порядков, искусно направлял свои удары главным образом на боярскую олигархию и «литовскую» партию, которую он тогда окончательно деморализовал и ослабил.

Но в скором времени великому князю представился удобный случай ликвидировать и последние остатки призрачной независимости Новгорода. В 1477 г. новгородские послы, приехавшие в Москву для переговоров по некоторым делам, в своем обращении к Ивану III назвали его *государем*, а не *господином*, как величали его раньше. Такое новое титулование имело огромное значение и было отмечено летописцем как факт совершенно необычайный. Дело в том, что титулование *государем* или, что одно и то же, *господарем*, *осподарем* по тогдашним понятиям обозначало более полную степень подчиненности и подданства, нежели титулование господином¹. Таким образом, в обращении новгородских послов скрывалось признание московского великого князя суверенным владельцем всей Новгородской земли. На основании этого Иван запросил новгородцев, «какого они хотят государства» и хотят ли они, чтобы всюду был «един государев суд и его управление». Новгородская олигархия ответила, что послам не было приказано титуловать великого князя по-новому и что Новгород отнюдь не намерен уничтожить «старину». После этого два-три новгородца, сторонники сближения с Мо-

¹ Из всех князей русских впервые Ивана III назвал государем в 1482 г. умирающий князь Михаил Верейский.

сквой, были убиты. В ответ на это Иван III осенью 1477 г. послал в Новгород «складную грамоту» (объявление войны), а вслед за этим сам выступил в поход.

Но дело на этот раз не дошло до сражения. После того как московская армия поставила Новгород под угрозу осады, новгородцы не решились пойти на открытое сопротивление и запросили об условиях мира. Сущность условий, продиктованных тогда Иваном Васильевичем, сводилась к тому, что московский великий князь желал быть в Новгороде, на своей отчине, таким же государем, каким он был в Москве. С внешней стороны этот ультиматум был сформулирован в следующих выражениях: «Ино наше государство великих князей таково: вечно колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство свое нам держати».

В январе 1478 г. новгородцы принуждены были согласиться на все требования великого князя, уничтожившие особый государственный порядок в новгородских землях. Древний «двор Ярославов», на котором по звону вечового колокола собиралось шумное вече, был очищен для великого князя; потом была составлена присяжная запись, по которой все новгородцы, включая и население их обширных северо-восточных колоний (Двинская земля, или Заволочье, Печорская область, Вятская земля), должны были «целовать крест» московскому великому князю. Вече и должность посадника были уничтожены. В Москву была послана торжественная грамота, объявлявшая, что великий князь привел отчину свою — Новгород Великий — в свою волю и стал в нем таким же государем, как у себя в Москве. Затем Иван вернулся в Москву, куда был привезен вечевой колокол, повешенный на звоннице Успенского собора, и богатые дары, поднесенные новгородцами своему победителю.

По словам современного польского историка Длугоша, Иван III, захватив в Новгороде несметные богатства, нагрузил 300 возов серебром, золотом, драгоценными камнями, шелковыми тканями, мехами, заграничными сукнами и разными товарами.

После уничтожения независимости Новгорода его колонии, простиравшиеся до Ледовитого океана и Северного Урала¹, тоже были присоединены к московским владениям.

¹ Проникнув за Урал в Югорскую землю — «меховой рай», новгородцы взимали дань и с югорцев.

С тех пор все Поморье¹, тогда еще достаточно богатое пушниной (один из главных предметов вывоза за границу); стало неотъемлемым достоянием Москвы.

Г Л А В А Ш

В сложном процессе образования Русского национального государства ликвидация былой независимости Новгорода Великого является одним из важнейших этапов. Благодаря этому событию Московское княжество с 70-х годов XV века превращается, по старорусской терминологии, в Московское государство. После этого окончательное освобождение Руси от зависимости Золотой Орды стало вопросом ближайшего времени.

Уже с самого начала правления Ивана III зависимость Москвы от ханов была, строго говоря, почти номинальной. Иван, чувствующий свою силу и значение, не скрывал, что тяготится этой зависимостью; он ни разу не ездил в Орду, а дань — так называемый «выход»² — если и платил, то весьма неисправно, не регулярно, да и то лишь в виде «поминюк», т. е. в виде подарков. Хан Ахмат, крайне недовольный таким положением дел, дважды пытался своими силами привести в покорность строптивого вассала, но безрезультатно. В 1480 г. он снова двинулся большим походом на Москву.

Выступление Ахмата против Москвы было обусловлено следующими обстоятельствами и соображениями. К началу 80-х годов, когда на западе усилились нападения ливонских немцев на Псковскую землю, польский король Казимир IV стал усиленно готовиться к войне с Москвой. Произошла ссора Ивана Васильевича с его братьями Борисом и Андреем, а в Новгороде в начале 1480 г. была открыта крамола (измена), ставившая своей целью отделение Новгорода от Москвы. Обстановка сложилась крайне выгодно для Орды. Для московского великого князя содалась тогда угроза внутреннего феодального восстания с одновременным нападением внешнего врага. Такая ситуа-

¹ Поморьем в старину называлось побережье Белого моря и бассейны рек, впадающих в него.

² Это было очень меткое название, так как собираемые с населения деньги для дани татарам действительно уходили из страны без всякой пользы для народного хозяйства. Но еще со времени Ивана Калиты (1328—1341) ханы поручили сбор «выхода» московским князьям, которые немалую долю собираемых ими денег оставляли в своей казне.

ция требовала от Ивана Васильевича крайней осторожности: один неверный шаг, несомненно, мог повести его к страшной катастрофе.

Ахмат, заручившись обещанием Казимира поддержать его оружием, появился со всеми своими силами на берегах Оки, в то время южной границе Московского государства. На другой стороне стояло многочисленное русское войско. Все ожидали битвы, но хан, не пытаясь перейти Оку, двинулся к ее верховьям, очевидно, для соединения с литовскими войсками. После ухода Ахмата Иван неожиданно оставил свою рать и вернулся в Москву. Это было сделано в целях примирения с братьями ради общей борьбы с Ордой. Иван хорошо помнил, как в его детстве именно межкняжеские нелады давали татарам перевес над Русью; он никогда не забывал, как его отец, не поддержанный князем Дмитрием Шемякой, едва не погиб на поле брани и попал в татарскую неволю. Он знал, что за сто лет перед тем его пращур Дмитрий Донской, одержав блестящую победу над полчищами Мамай, вслед за тем, в результате недостаточной осторожности, снова должен был признать над собой унижительную власть Орды. Равным образом и могущественный Витовт, гроза немцев¹, презирая силу татар, погубил в 1399 г. свое многочисленное войско на берегах реки Ворсклы. Зная все это, Иван Васильевич теперь, когда решалась судьба всей Руси, когда все могло надолго рухнуть от одного неверного шага, ничем не хотел рисковать.

Возвращение Ивана в Москву вызвало осуждение со стороны современников, нетерпеливо ожидавших большого сражения, в котором татары должны были быть навсегда разгромлены. Великого князя обвиняли в трусости; в народе кричали, что в казну собирали налоги на дань Орде, как прежде, но что великий князь «корыстовался сборами, не платил дани, разгневал царя (т. е. хана) и теперь робеет и бегаёт от него». Архиепископ ростовский Вассиан открыто назвал Ивана *бегуном*, грозил, что на него падет кровь, которую прольют татары. «Неужели смерти боишься? — восклицал Вассиан, — но человек не бессмертен, и рока своего не преидет ни человек, ни зверь, ни птица. Я стар

¹ В 1410 г. Витовт, встав во главе литовско-русского и польского ополчения, совершенно разгромил ливонских рыцарей под Грюнвальдом. Эта знаменитая битва была выиграна Витовтом благодаря стойкости русских, смоленских, полков; выдержав бешеный натиск немцев, смоляне дали время оправиться польско-литовской армии, уже обратившейся было в бегство.

и слаб, но не убоюсь меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска». Все восхваляли воеводу Холмского и сына великого князя — Ивана Младшего, отказавшихся вернуться в Москву. Высшее духовенство и бояре на вопрос великого князя, как ему поступить, заявили: «Нам нечего советовать тебе, государь, надобно сражаться».

Среди всех этих нареканий и волнений Иван Васильевич сохранил полное спокойствие. Он прежде всего кончил миром опасную ссору с братьями. Затем, не имея твердой уверенности относительно того, как будут развиваться в дальнейшем военные действия сторон, он велел сжечь деревянные предместья своей столицы, послал охранительные отряды в Переяславль и Дмитров, а Софью Фоминичну с младшими детьми отправил на север. Обезопасив Москву, Иван снова отправился к войску и остановился в Кременце, на реке Луже.

Находясь на фронте, Иван, не увлекаясь перспективой блестящей битвы, проявил все ту же необычайную выдержку характера. Зная, что крымцы, тогда союзники Москвы, уже ворвались в Подолию и Казимиру было не до того, чтобы помогать Ахмату, что татарский служилый царевич Нордоулат с русскими и татарскими воинскими отрядами и с воеводой Ноздреватым уже поплыл по Волге, чтобы опустошать улусы Ахмата, Иван попрежнему занимал выжидательное положение. Он предоставлял хану риск наступления, но Ахмат тоже бездействовал, не решаясь переправиться ни через Угру, ни через Оку.

А между тем лето давно миновало, наступила суровая в тот год осень; татары обносились, страдали от голода и холода. 8 октября они начали битву, пуская через Угру стрелы, в ответ загремели русские пищали; дня три продолжалась перестрелка. Затем, испытав меткость русской стрельбы, Ахмат прекратил действия и велел собирать продовольствие в пределах союзной Литвы.

Тогда Иван, не обращая внимания на ропот окружающих, чтобы выиграть время, начал мирные переговоры с Ахматом. Последний, вообразив, что великий князь действительно испугался, надменно потребовал: «Пусть станет у моего стремени и молит о милости!» Великий князь ответил на такое предложение отказом, а хан день ото дня становился все стоворчивее. Он упрекал Ивана, что тот вот уже девять лет не платит ему дани, соглашался на мир, если дань будет уплачена за все прошлые годы, предлагал, чтобы к нему в лагерь на поклон приехал бы уже не сам великий князь, а хотя бы его сын, брат, пускай даже какой-

нибудь знатный боярин, соглашался, наконец, чтобы к нему прислали Никифора Басенкова, татарского угодника. Видя все возрастающую уступчивость хана, великий князь, убедившись в его желаниии мира, т. е. в слабости, прекратил переговоры и замолчал.

Татары еще раз попытались перейти через Оку под Опакowym городищем, но были отбиты с большим уроном. Ахмат был в отчаянии: морозы усилились, крымцы жестоко разоряли Литву, и Казимиру было не до золотоордынских татар.

Известие о том, что великий князь вступил в мирные переговоры с татарами, вызвало в Москве негодование. Духовенство отправило к Ивану особое посольство. Вассиан написал длинное послание, в котором, указывая на героическое поведение Дмитрия Донского, требовал, чтобы великий князь по примеру своего предка перешел в наступление. Иван прочитал послание и... приказал отступить от берегов Угры, которая уже покрылась льдом, что значительно облегчало татарам переход через нее. Русская армия быстрым маршем двинулась к Боровску, где Иван собирался дать генеральное сражение. Все думали, что Ахмат бросится вдогонку, но ошиблись. Видя отступление русских, он испугался, что его заманивают, обходят, и в свою очередь отступил с быстротой, похожей на паническое бегство¹.

Торжество Ивана Васильевича было полное, его тактика оказалась правильной: *хан был побежден без великой битвы*. Современники, не поняв соображений, которыми руководствовался Иван, несправедливо обвиняли его в трусости. Он, правда, был очень осторожен в своих действиях и всегда опасался каким-либо неосмотрительным шагом нанести ущерб начатому делу, но своей осторожности он никогда не простирал до того, чтобы упустить существенный успех. Нельзя также подозревать Ивана в недостатке личного мужества: мы уже видели, что его детство и отрочество прошли в суровой военной обстановке, а позднее, совершая несколько больших походов, он лично стоял во главе своих войск, разделял с ними все опасности и сам руководил военными операциями. По летописям видно также, что он принимал обыкновенно активное участие в тушении всякого большого пожара в Москве, подвергаясь при этом сам большой опасности.

¹ На обратном пути Ахмат зазимовал в устьях Дона и в 1481 г. был убит ногайским ханом Ибаком.

Так в 1480 г. произошло окончательное уничтожение зависимости в какой бы то ни было форме Русского государства от Золотой Орды¹. Это великое событие имело очень важные последствия для дальнейших отношений Москвы с другими татарскими ханствами.

В 1479 г. после смерти казанского хана Ибрагима, принужденного заключить с Москвой мирный договор «на всей воле московского князя», престол занял его старший сын Али, вся политика которого носила ярко выраженный антимосковский характер. Но в Казани существовали и очень сильные сторонники дружественных отношений с Москвой. Это были люди сильные и богатые, заинтересованные в развитии и укреплении торговых связей с русскими землями. Иван Васильевич умело пользовался внутренней борьбой между казанскими феодалами. Он оказал помощь братьям Али-хана, готовым превратиться в ставленников московского государя на казанском престоле. Так оно и случилось. Политика Ивана, у которого после 1480 г. руки были развязаны, резко активизировалась в отношении Казани. В 1487 г. Казань была взята русскими, Али-хан сослан в заточение на Белоозеро, а на казанский престол московский государь посадил Мухаммед-Эмина, брата Али. Окруженный великокняжескими советниками, Мухаммед-Эмин фактически стал послушным вассалом Москвы, которая с тех пор до момента полного завоевания Казани Иваном Грозным в 1552 г. диктаторски вмешивалась во все казанские дела.

Что касается Крымского ханства, отделенного от московских владений обширными степными просторами, то его правитель, энергичный Менгли-Гирей, заключил с Иваном Васильевичем союз со взаимным обещанием «другу другом быти и недругу недругом быти». Золотоордынские ханы были злейшими врагами крымского хана, и на этой почве сложился союз между Менгли-Гиреем и Москвой. Дружба с Крымом была очень выгодна для Ивана III, потому что нападения крымцев с целью захвата всевозможной добычи и полона, т. е. пленных, постоянно производились на южные и юго-западные малозащищенные владения Литвы и Польши. Московская дипломатия, которой руководил сам Иван Васильевич, искусно поддерживала такое, весьма тяжелое для Литвы и Польши, положение вещей, отвле-

¹ В дальнейшем под «выходом» разумели уже не дань Золотой Орде, а «поминки» (подарки) казанскому, астраханскому и крымскому ханам.

кавшее вместе с тем крымчаков от набегов на южные пределы русской земли.

После присоединения к Москве всех новгородских земель Тверское княжество оказалось отовсюду окруженным московскими владениями. В связи с этим экономические интересы Твери настоятельно требовали проведения самой дружественной политики в отношении Москвы, так как московский великий князь мог в любой момент закрыть Твери все пути для торговли с другими городами. Тверские феодалы, бояре и крупные купцы понимали это, внутри самого Тверского княжества с каждым годом усиливалось стремление к полному объединению с Москвой. Многие бояре и дети боярские, пользуясь договором между Тверью и Москвой, подтверждавшим право бояр и вольных слуг служить кому им заблагорассудится, перешли в 1476 г. на московскую службу. Обеспокоенный этим, опасаясь за свою независимость, последний тверской князь Михаил Борисович заключил в 1483 г. с Казимиром IV договор о взаимной помощи. Иван Васильевич ответил на это в следующем году вторжением на тверскую территорию и разорением ее. Михаил принужден был заключить новый договор, лишавший его прежнего, формально равноправного с Иваном положения. Он должен был присягнуть последнему уже как «младший брат» московского великого князя и обязался не вести больше никаких сепаратных переговоров с королем и не вступать ни в какие отношения с сыновьями Дмитрия Шемяки, князя Можайского, боровского и с другими русскими беглецами, проживавшими в Литве.

Но смирившись внешне, Михаил в 1485 г. сделал новую попытку соединиться с Казимиром и отпасть от Москвы. Тогда Иван Васильевич вторично пошел на Тверь с большим войском и «нарядом» (артиллерией). После того как загрели московские пушки и загорелись предместья города, тверские бояре, служилые люди и многие горожане, сторонники Москвы, открыто перешли в лагерь Ивана Васильевича. Князь Михаил, покинутый своими, бежал в Литву, где и умер, не оставив потомства. Так, осенью 1485 г. тверские земли были присоединены к Москве. Из Твери, так же как незадолго перед этим из Новгорода, было «выведено» в Москву много бояр и детей боярских, а на тверских землях были поселены московские дворяне и дети боярские.

Теперь юридически самостоятельными оставались только Псков, Рязань и Вятская земля (с главным городом Хлы-

новым). Но это была лишь одна видимость,⁴ потому что в Пскове всем фактически распоряжался наместник Ивана, а в Рязани ее князь, бояре и дворяне служили Ивану III как своему полновластному хозяину. В 1489 г. Вятская земля, третья русская республика, после похода воевод князя Даниила Щени и Григория Морозова превратилась в московскую «вотчину».

Если к этому прибавить, что еще в 1463 г. была ликвидирована самостоятельность Ярославского княжества, в 1474 г. — Ростовского, а в 1485 г. последний удел в самом Московском княжестве — Верейский — по завещанию перешел к Ивану Васильевичу, то нельзя отрицать того, что московский великий князь уже имел известное основание при переговорах с Литвой называть себя «государем всей Руси».

Г Л А В А IV

Московский Кремль, первая «завязь» Москвы, совершенно не соответствовал своим внешним видом и внутренним состоянием значению Ивана III, после 1480 г. подлинного самодержца¹ и государя всей Руси. Равным образом Кремль не соответствовал и своему назначению быть крепостью уже не Московского княжества, а Московского государства, как называли наши предки централизованное Русское государство, сформировавшееся к концу XV века.

Весьма живописный издали, Кремль, за исключением немногих мест, представлял собой тогда средневековую строительную путаницу — лабиринт, где можно было затеряться, не найти ни пути, ни выхода среди узких кривых улиц, переулков, закоулков и глухих тупиков. Каждый клочок земли в Кремле был занят, дворы примыкали друг к другу вплотную, и только близ церквей оставались незастроенные места, использованные для кладбищ. Такая теснота и вместе с тем беспорядочность расположения кремлевских построек объясняются все возраставшим наплывом бояр и разных служилых людей, стремившихся поселиться в черте кремлевских стен, с одной стороны, ради безопасности, с другой — из-за близости к великокняжескому дворцу.

Этот деревянный, некогда нарядный «златоверхий» дво-

¹ Под этим термином тогда понимали государя, вполне независимого от другого государя или иноземной страны.

рец, построенный Дмитрием Донским, а при его сыне Василии I украшенный в 1404 г. затейливыми башенными часами с человеческой фигурой, невиданное чудо для той эпохи, во второй половине XV века потерял весь свой блеск. Волна княжеской междоусобицы при Василии Темном, неоднократное ограбление московской казны, частые пожары приостановили, конечно, расширение и украшение Кремля. В связи с этим великокняжеский дворец ветшал с каждым годом и не производил уже прежнего впечатления: знаменитых часов, так подробно описанных современником, уже не было, по крайней мере никто о них не упоминает; позолота на тереме дворца потускнела, расписные узоры вышек, столбиков и крылец поблекли, кое-что пообвалилось. Обиталищу государя Московии (как стали называть на Западе Русское государство) известную величавость придавало ржавое железо решеток, ограждавших окна с тусклым матом из слюды, и крутые кровли, по которым время разбросало кустики зелено-рыжего мха.

Не в лучшем состоянии были и кремлевские укрепления, судя по описанию Москвы итальянского путешественника Амвросия Контарини, ездившего послом в Иран и на обратном пути в Венецию посетившего в 1476 г. Москву. «Город Москва, — писал Контарини, — расположен на небольшом холме, и все строения в нем, не исключая и самой крепости (т. е. Кремля), — деревянные».

На самом деле это было не совсем так. Не считая кремлевских каменных храмов, весь Кремль был обнесен белокаменными стенами с такими же башнями и железными воротами. Но эти укрепления, сооруженные еще при Дмитрие Донском в 1367—1368 гг. и в свое время сыгравшие огромную роль в деле обороны стольного города, к приезду Контарини уже настолько обветшали, настолько были заплаты деревом, что издали действительно должны были производить впечатление деревянных.

А между тем Московское государство с каждым десятилетием расширяло свои пределы. Одна за другой падали преграды в виде русских княжеств и земель, до тех пор отделявшие его от иноземных врагов. Теперь оно стояло с ними лицом к лицу. Для энергичного наступления, для успешной обороны границ, наконец на случай перенесения военных действий в глубь страны, столица государства, бдительный страж всей Русской земли, настоятельно нуждалась в мощных крепостных сооружениях.

Мысль о крайней необходимости реконструировать Кремль, очевидно, занимала Ивана III еще при жизни

отца, с которым, весьма вероятно, он обсуждал этот вопрос не один раз. Такое предположение напрашивается само собой, потому что еще в 1462 г., т. е. в первый же год своего княжения, Иван Васильевич поручил русскому зодчему-реставратору Василию Дмитриевичу Ермолину приступить к перестройке кремлевских стен. Ермолин возобновил тогда стену от Боровицких ворот до Свибловой (юго-западной) башни Кремля. Потом он соорудил Фроловскую (позже Спасскую) башню с церквями при ней. Над воротами этой башни он поставил со стороны въезда и выезда два белокаменных барельефа. Один из них, изображающий Георгия Победоносца (старинный герб города Москвы), сохранился до наших дней. Он представляет собой большой художественно-археологический интерес, так как является единственным пока нам известным образчиком нашей скульптуры XV века¹.

Но на этом обновление Кремля пока и остановилось. Объясняется это вернее всего тем, что в 1463—1465 гг. ожидалось нашествие хана Ахмата, кроме того был голод и эпидемия, о которых упоминалось выше, к тому же Москва была занята казанскими и новгородскими делами.

Прерванное строительство возобновилось в Кремле только с 1471 г., после того как осенью этого года Иван Васильевич вернулся в Москву со славой победителя новгородских крамольников. С сентября стали возить камень для постройки нового Успенского собора на месте старого, сооруженного в 1326 г. Строительство оказалось неудачным, ибо зодчие Кривцов и Мышкин возводили свою постройку из белого камня по стародавнему способу, заимствованному от владими́ро-суздальских мастеров, некоторые существенно важные детали которого (например, изготовление особо клейкой извести) в Москве были уже забыты. В результате этого новое здание, доведенное в 1474 г. до сводов, внезапно рухнуло, развалившись настолько, что возобновлять его не имело смысла. Тогда, очевидно по указанию, возможно даже по настоянию, великой княгини Софьи Фоминичны, был вызван из Италии для строительства нового собора знаменитый инженер-архитектор Аристотель Фиораванти, уроженец города Болоньи.

¹ Деятельность Ермолина, замечательного русского мастера, до сих пор, к сожалению, еще недостаточно освещена. Вообще она выяснилась после опубликования так называемой «Ермолинской летописи», составленной по поручению Ермолина, а может быть, частично написанной им самим. Кроме вышеуказанных работ Ермолину принадлежали и другие произведения зодчества в провинции.

Иван III внес существенные изменения в прием иноземных послов. Это особенно видно, если сравнить прием Иваном Васильевичем Амвросия Контарини в 1476 г. с приемом австрийского рыцаря Поппеля всего лишь лет 10—12 спустя.

Собственно говоря, с точки зрения придворного этикета Контарини был принят в Кремле почти запросто. «Прибыв во дворец за несколько времени до обеда, — рассказывает итальянский путешественник, — я был введен в особую комнату, где находился государь с Марком¹ и другим своим секретарем. Он сделал мне весьма ласковый прием и в самых приветливых выражениях поручил уверить светлейшую нашу Республику (т. е. правительство Венеции. — В. С.) в искреннем его дружестве, которое он и на будущее время сохранить желает, и присовокупив к тому, что охотно отпускает меня в отечество и готов сверх того сделать в пользу мою все то, что я почту для себя нужным. Когда великий князь говорил со мною, я из учтивости отступил назад, но он всякий раз сам подходил ко мне и с особенною благосклонностью выслушивал ответы мои и изъявления моей благодарности. Таким образом проговорил я с ним более часа и удостоился видеть при сем случае некоторые из его парчевых кафтанов, подбитых отличнейшими соболями. По окончании аудиенции мы пошли к столу, который на этот раз был длиннее и роскошнее обыкновенного, и нашли тут многих великокняжеских вельмож. После обеда мне приказано было встать с своего места и снова подойти к государю. Он весьма ласково простился со мною и громким голосом, слышным для всех присутствовавших, возобновил уверения в благосклонности своей к светлейшей нашей Республике. Засим подали мне серебряную чашу, наполненную русским напитком, приготовленным из меда, говоря, что великий князь дарит мне ее и желает, дабы я осушил ее до дна. Таковой дар почитается при московском дворе знаком особенной милости, оказываемой одним только послам и другим значительным особам...»

Накануне этого приема Контарини представлялся Софье Фоминичне, по его словам, «с приличными приветствиями и поклонами. Великая княгиня обошлась со мной весьма вежливо и убедительно просила поклониться светлейшей нашей Республике».

Совсем другой характер носили аудиенции, полученные

¹ Московский посол к шаху; с ним Контарини познакомился в Иране.

Поппелем в 1486 и 1489 гг. Эти приемы происходили в строго официальной обстановке, несколько уже напоминавшей церемониал византийского двора. Иван Васильевич в торжественном облачении сидел на красивом троне, окруженный многочисленными придворными. Ответ Поппелю давал посольский дьяк Федор Курицын. Когда Поппель, приехавший сватать княжну Елену, дочь Ивана III, попросил разрешения увидеть ее, ему ответили, что на Руси не водится показывать невест прежде времени женихам и сватам (в этом ответе тоже слышится отголосок византийских традиций).

Еще пышнее были приемы императорских послов Георга Делатора в 1490—1491 гг. и Гартингера в 1504—1505 гг., приезжавших для переговоров о сватовстве и посредничестве императора между Московским государством и Польшей. Приемы на этот раз происходили в специальной «аудиенц-зале» московского Кремля, в Грановитой палате, тогда недавно выстроенной.

Вместе с Софьей Палеолог в Москву приехало много греков, полезных русским своими знаниями в различных искусствах и в языках, особенно в латинском, тогда необходимом в международных сношениях. Они рассказывали о красоте Константинополя, о его многочисленных дворцах, великом храме св. Софии, укреплениях и бесчисленных городских башнях. Сама Софья Фоминична, привыкшая к роскошным постройкам Константинополя и Рима и выдавшая по пути в Москву ряд итальянских и немецких каменных городов, должна была своими рассказами укрепить в Иване III его давнишнее желание придать иной вид и состояние Кремлю.

Все в старых, лишь кое-где подновленных стенах этой цитадели напоминало Ивану Васильевичу о прежних страшных временах. Ветхие прадедовские хоромы видели умаление прав московского князя его ближайшими родственниками; они были безмолвными свидетелями оскорбительных приездов татар, которых приходилось принимать и чествовать, угодливо смотреть им в глаза, искать их покровительства и дружбы. Мрачные тени былых унижений мерещились в каждом углу ветхих зданий, в стенах небольших приземистых храмов. Но эти времена прошли, русская земля опять стягивалась к одному центру—Москве, которая выходила на широкое поприще, завязывала сношения с Западом, принимала его послов, отправляла в Италию и Германию своих послов, вызывала оттуда к себе на службу нужных ей мастеров.

ГЛАВА V

Под давлением новых социально-политических отношений и вызванных ими новых потребностей из-за усложнившегося придворного быта, а также неизбежных военных перспектив Иван III начинает искать в Западной Европе средства для удовлетворения этих нужд.

Москве прежде всего нужны были хорошие «палатных и стенных дел мастера», т. е. зодчие, затем инженеры и техники различных специальностей. Особого внимания требовала военная техника ввиду неизбежной борьбы на западных границах государства из-за морских гаваней на Балтийском побережье, иначе говоря, ради свободного выхода в Западную Европу. В связи с этим надо было строить укрепления, заводить артиллерию, отыскивать руду, устраивать заводы и т. д. Для всего этого нужны были опытные специалисты. И вот начинается усиленный вызов из-за границы, преимущественно из Италии, инженеров, зодчих, литейщиков, пушечников, оружейников и других техников, приезжавших при Иване III подчас партиями человек в тридцать, с женами и детьми.

Необходимо заметить, что вызов всех этих мастеров, помимо разных затруднений, возникавших непосредственно при найме их нашими послами, значительно осложнялся еще тем, что западные соседи Московского государства, видя его возрастающую силу, чинили едущим в Москву всякие препятствия, а иногда просто задерживали их. Насколько вообще были затруднены сношения Москвы с Западом благодаря ливонским «псам-рыцарям», видно, например, из следующего: при Иване III московские послы дважды принуждены были ездить в Данию для переговоров кружным путем — через Белое море и Ледовитый океан. Этот крайне опасный путь они совершили на наших парусных кораблях, представлявших собой простые барки.

Но это не смущало выдержанного, настойчивого Ивана Васильевича, который при тогдашнем состоянии московской казны имел возможность щедро оплачивать вызываемых мастеров, а с середины 70-х годов мог уже приступить к коренной перестройке Кремля.

Первым приехал в Москву Аристотель Фиораванти. Применяя новые методы строительного искусства, он построил (1475—1479) Успенский, ныне существующий, собор, о котором летопись говорит так: «бысть та церковь чюдна вельми величеством, и высотой, и светлостью, и звоностю и пространством: такова же прежде того не

бывал на Руси, опричь Владимирския церкви»¹. В столице Московского государства воздвиглось сооружение, достойное украсить собой Рим, Константинополь, Венецию. При этом характерные мотивы стилей романского, византийского, итальянского и русского (в разных его течениях) были так свободно и гармонично слиты в одно целое, что в конечном счете сооружение итальянского мастера навсегда осталось исключительным образцом русского храма.

Аристотель Фиораванти, по словам летописи, был «такоже и пушечник нарочит». При его сотрудничестве в Москве был устроен Пушечный двор, первый в России пушечнолитейный завод². Что же касается пороха, то его стали выделывать в Москве еще в первой четверти XV века. Как военный инженер, сделавший неприступными укрепления своего родного города, Фиораванти, судя по многому, разработал в основном проект новых кремлевских укреплений. Но сооружены они были уже после него. В этой реконструкции принимали самое близкое участие итальянские мастера Мэрк Руфо, Солари, Алевиз из Милана и Антон Фрязин со своими подчиненными.

План возведения городских укреплений столицы Русского государства был тщательно продуман и так же тщательно осуществлен.

Прежде всего возвели южную стену Кремля с ее главными башнями (Беклемишевской, Гайницкой и Свибловской), так как эта сторона была наиболее опасной ввиду возможных набегов татар. Потом построили восточную стену с проездными башнями Фроловской (Спасской), Никольской и угловой Собакиной (ныне Арсенальная). Только после этого перешли к западной стороне Кремля, от природы защищенной течением реки Неглинной. Здесь предварительно произвели большие и сложные гидравлические работы, потому что иначе берега болотистой речки не выдержали бы тяжести монументальных стен и башен (главные — Троицкая и Боровицкая, обе проездные).

При этих работах выяснилось, что в целях стратегических и противопожарных необходимо очистить от каких бы то ни было строений все пространство (шириной на сто десять саженей) за Неглинной вдоль Кремля. Это было безотла-

¹ Имеется в виду Успенский собор во Владимире, заложенный Андреем Боголюбским в 1158 г.

² Он был расположен на берегу реки Неглинной, там, где теперь проходит Пушечная улица (б. Софийка); рядом устроилась слободка заводских кузнецов, откуда произошло название улицы Кузнецкий мост.

гательно приведено в исполнение, и в 1493 г. территория за Неглинной была очищена от обывательских дворов и церквей, тогда деревянных. Одновременно с этим аналогичная расчистка шла и в самом Кремле, а несколько позднее (1495) и за Москвой-рекой, против южной стены Кремля (между нынешними Москворецким и Каменным мостами). Такое мероприятие, нарушая материальные интересы владельцев насиженных гнезд, вызвало в Москве страшный ропот. Духовенство и люди «благочестивые» сетовали на то, что не подобает, дескать, так разрушать «святые места». Архиепископ Геннадий в письме из Новгорода к митрополиту Зосиме очень резко осуждал «великую нечесть государскую», жалуясь, что вследствие распоряжения великого князя, «где престол стоял да жертвенник, и то место не огорожено, ино и собаки на место ходят и всякий скот»; он возмущался, что «церкви старые извечные выношены вон... кости мертвых выношены за Дорогомилowo», а «гробокопателям, какова казнь писана?» — угрожающе вопрошал Геннадий. А между тем он был человек образованный и по тем временам отличался свободомыслием¹. После этого нетрудно представить, как возмущались и злословили представители «стоячей старины» (выражение Забелина), особенно те, кому приходилось выбираться на новые места. Слухи о московском нарушении имущественных и церковных «святынь» в преувеличенном виде дошли до Киева, бывшего тогда под властью Литвы, вызвав там толки, очень неблагоприятные для Ивана III.

Несколько раз с начала постройки кремлевских укреплений (1484) возникали страшные, очевидно преднамеренные пожары, которые рассматривались суеверами как проявления «божьего гнева» за «великую государскую нечесть», выразившуюся в сломке церквей, перенесении на новые места монастырей, кладбищ и т. п. В 1493 г. произошел пожар, на некоторое время даже оборвавший кремлевское строительство. Пожар этот в несколько часов обратил всю столицу в огромное пепелище и выгнал самого Ивана III из Кремля в крестьянские дворы на реке Яузе. Опустошения и убытки были тогда так велики, что постройку начатого каменного дворца для житья великокняжеской семьи возобновили только с весны 1499 г.

¹ Он составил так называемую «Пасхалию» (правила для определения дней, в которые приходится передвижной праздник пасхи), опровергающую учение о близкой «кончине мира», собирал книги, сделал первую попытку издания славянской библии, ходатайствовал об учреждении училищ для невежественного духовенства.

Но Иван Васильевич, невзирая на пожары, пожиравшие и труд и казну, не придавая значения ропоту негодующих, продолжал с неослабевающей энергией идти к намеченной цели. В промежуток времени от 1495 до 1499 г. было закончено строительство западной, наиболее трудной стороны Кремля. Сооружением этой части укреплений было сомкнуто все кольцо оград Кремля, достигшего тогда своих теперешних размеров. Остальные работы являлись лишь дополнением и усилением этих основных сооружений.

Параллельно с возведением фортификационных укреплений Кремля шло строительство и внутри него. Прежде всего было сооружено (1483) каменное казнохранилище, которое должно было обезопасить государеву казну от постоянных налетов «красного петуха». Затем возвели Малую палату (она же Набережная) и ныне существующую Большую, или Грановитую. Эти две постройки не были жилыми помещениями, они предназначались для приемов послов и других торжественных случаев. Таким образом, было положено основание новому обширному дворцу. Собственно для себя Иван Васильевич стал ставить палаты с 1492 г., но пожар следующего года, как упоминалось, прервал эту постройку. Несколько раньше (1489) псковские мастера построили Благовещенский собор, а Алевиз Новый — Архангельский собор (1505—1509). Эта постройка благодаря своим деталям является наиболее «фряжской», т. е. итальянской, но вместе с тем ее «организм» остался русским, лишь облаченным в иноземный «наряд». Кроме Архангельского собора Алевиз Новый, очень талантливый художник, построил в Москве, вне Кремля, еще не менее десяти церквей¹.

Строительство Ивана III совершенно изменило облик прежнего Кремля, который теперь стал больше походить на европейский замок, нежели на то скопление деревянных зданий за каменной стеной времени Донского, какой застал столицу Иван Васильевич при вступлении своем на престол. Иностранные путешественники XVI—XVII веков, писавшие о Москве, обычно называли его Кремль «агх», т. е. замок.

Готовя себе и своему преемнику великолепную резиденцию, сам Иван Васильевич в течение долгих лет видел в ней только страшную сутолоку и неустройство. Невообразимый, на первый взгляд даже непонятный хаос стоял в

¹ Он был в числе тех мастеров, которые добрались до Москвы на пятый год после выезда из Италии.

Кремле все то время, пока в нем происходило новое строительство. Скрип телег, стук топора, визг пилы, грохот камня, ржанье лошадей и крики рабочих наполняли его шумом и гамом с раннего утра и до позднего вечера. Всюду высились кучи мусора и обломков, груды строительных материалов, разрытой земли, глины и нечистот. Местами на узких улицах, взбуравленных и загроможденных, невозможно было ни пройти, ни проехать. Неуютная, суетливая, лишенная правильности жизнь сменила неторопливый ход прежнего старозаветного быта. Вместе со старыми кремлевскими стенами и деревянными хоромами, обреченными на сломку, рушились остатки удельной Руси, безвозвратно ушедшей в прошлое.

Грандиозная реконструкция Кремля была закончена в некоторых деталях через три года после смерти Ивана III. В 1508 г. его преемник Василий III поручил Алевизу Милланцу, окончившему тогда постройку нового дворца, «вкруг града Москвы ров делати камнем и кирпичом и пруды чинити (устроить) вкруг града». Эти работы Алевиза довершили укрепление Кремля, каковой и понимается в летописи под названием *града* в старинном смысле, т. е. в смысле огороженного, укрепленного места¹. По теперешней Красной площади, до середины XVII века называвшейся *пожаром*², Алевиз Миланец провел глубокий ров от Неглинной, около которой устроил обширные пруды; подняв воду посредством плотин и пустив ее по рву, он соединил этим рукавом Неглинную выше ее устья с Москвой-рекой. Через ров, перерезая его стены, шли подъемные мосты от Спасских и Никольских ворот, защищенных железными герсами (опускные решетки). Таким образом треугольник Кремля превратился в «остров» (Москва-река, Неглинная, ров). Внутри Кремля, под его стенами и зданиями, шли подземные ходы, тайники, «водные течи» (водопроводы), сводчатые подземелья и погреба с запасами пороха и разного оружия. Это была первоклассная крепость, отвечавшая всем требованиям тогдашнего фортификационного искусства, сильно усложнившегося со времени изобретения пороха. Как военная твердыня Кремль уступал, может быть, только знаменитым замкам Милана и Меца, но превосходил их своими размерами. И в то же время он не имел их угрюмого вида благодаря своим новым храмам

¹ Слово «кремль» впервые встречается в летописи в 1331 г., но в обиход входит гораздо позже, не раньше второй половины XVI века.

² Т. е. оставшееся после пожара пустое место.

и нарядным палатам, живописно поднимавшимся на холме за ожерельем суровых башен и стен. В 1516 г. в связи с расширением прудов на Неглинной был построен через эту речку по времени первый в Москве каменный мост на арках (Троицкий), с особой отводной стрельницей *Кутафьей*, защищавшей доступ к нему. †

Внешний вид тогдашнего Кремля был несколько иной, чем теперь, потому что его башни не имели еще своих шатровых верхов, надстроженных в XVII веке.

Масштабы кремлевского строительства, предпринятого Иваном III, затраты, которые мог себе позволить тогда великий князь, свидетельствуют о его богатстве. Действительно, «государева казна», несомненно отражавшая экономический подъем всей страны, при Иване III была в блестящем состоянии. Ее средства увеличились между прочим вследствие открытия в 1492 г. пермских серебряных рудников. Достаточно сравнить завещание Василия Темного, в котором поштучно перечисляются драгоценные предметы, оставляемые в наследство сыну («5 кресты золоты», «2 поясы золоты — большой с камнем», «1 коробка сердоличная» и т. д.), с завещанием самого Ивана III, чтобы увидеть, насколько он был богат. Завещание Ивана Васильевича не дает перечисления предметов поименно. Только в общих выражениях, например, определяется часть Василия, наследника престола, и в этой «лаконичности» чувствуется уже изобилие сокровищ великокняжеской казны; очевидно, невозможно было перечислить подробно предметы и денежные суммы и пришлось лишь указать, где и у кого что хранится. Во всей Восточной Европе только одному Ивану III было под силу осуществить такой строительный подвиг, каким была перестройка, вернее создание, нового московского Кремля.

Несмотря на то что в этой реконструкции принимали такое большое участие итальянские зодчие, Кремль в целом явился выражением русской, а не иноземной архитектурной мысли. Строго говоря, роль иноземных мастеров, представителей новых идей в области строительного искусства, по существу ограничилась лишь технической стороной дела, прежде всего восстановлением упавшей на Руси за время татаро-монгольского владычества техники каменного мастерства. Деятельность зарубежных зодчих отнюдь не повлекла за собой водворения у нас иноземного зодчества; напротив, она только способствовала интенсивному развитию зодчества в собственном смысле русского, по русскому замыслу, с русской выработкой

даже и заимствованных форм. Объясняется это следующим.

Итальянские мастера в своих работах должны были следовать местным образцам, и это особенно сказалось при сооружении соборов и нового дворца. Последний представлял собой раскидистую группу зданий, связанных друг с другом, подобно прежним хоромам, крыльцами, лестницами, переходами. Приемные и жилые покои нового дворца составляли второй этаж; нижний этаж, соответствовавший *подклету* всех старорусских строений, состоял из сплошного ряда сводчатых помещений с белокаменными подвалами под ними и был опоясан открытыми аркадами. Сходство нового каменного дворца со старым деревянным подчеркивалось еще и тем, что каменные палаты, приближаясь по размерам и формам к их деревянным предшественникам, имели с ними одинаковое же назначение (Приемная, Столовая, Спальная и пр.) и были расположены примерно на тех же местах, что и прежние.

О подъеме русской материальной культуры во второй половине XV века свидетельствовал не только новый московский Кремль¹. В это время было положено начало созданию сильного пушечного «наряда», т. е. артиллерии, имевшей очень важное значение для усиления военных сил Русского государства. «Рудознатцы» Иван и Виктор открыли в 1490-х годах на далеком севере, близ Печоры, на реке Цильме серебряную и медную руду, благодаря чему в России начали добывать эти металлы, плавить их и чеканить монету из своего серебра. Развивается в связи с этим ювелирное и чеканное искусство, не уступавшее западноевропейскому; особенно славилось богато украшенное русское оружие (приклады, замки пищалей, сабли и пр.) и изделия с эмалью (чаши, кольца, блюда, кресты, ларчики), являвшиеся высокохудожественными произведениями искусства. Вообще русское искусство — архитектура, живопись — и разное прикладное мастерство, создателями которого были русские люди, достигли тогда высокого развития. Это относится не к одной только Москве: псковские мастера славились своим строительством каменных зданий, северные горододелцы и древоделы, или рубленики (плотники), возводившие огромные церкви и хоромы, были известны также и как исключительно искусные резчики по дереву; об уровне живописи

¹ В нем, помимо каменных храмов и великокняжеских палат, появились тогда каменные жилые постройки частных лиц.

свидетельствует работа Дионисия, расписавшего в 1500—1501 гг. в отдаленном Белозерском крае, в Ферапонтовом монастыре, храм Рождества богородицы.

Создание национального государства, освобождение от иноземного ига благотворно сказались на всех отраслях тогдашней русской культуры.

Г Л А В А VI

Каменный монолит московского Кремля, выразивший русскую архитектурную мысль, говорил вместе с тем и о победе новых начал, приведших к образованию единого Русского государства.

Но не все еще русские земли вошли тогда в состав этого государства. Немалая часть их еще находилась во владении Польско-Литовского государства, отношения которого с Москвой при Иване III, все больше обостряясь, перешли, наконец, в войну.

После установления с 1241 г. монголо-татарского ига над Русью значительная часть исконных русских земель перешла под власть Литвы, а потом Польско-Литовского государства. Объясняется это тем, что русским пришлось в ту мрачную эпоху выбирать между золотоордынскими ханами и Литвой; из двух зол они предпочли, казалось бы, меньшее — Литву, которая с течением времени завладела и Киевом, «матерью городов русских», и древним Смоленском.

Насколько велики были тогдашние территориальные приобретения Литвы, видно из того, что даже Вязьма в конце XV века входила в состав Польско-Литовского государства. Его восточные области были заселены великороссами, белоруссами и украинцами.

В те времена на границе Московского и Литовского государств лежала «страна князей» — территория мелких феодальных владетелей. Одни из этих, как их называли, «верховских» князей¹ служили Москве, другие признавали над собой власть великого князя литовского. Эти князьки вечно ссорились друг с другом за границы своих владений и за право владеть на основании родового старшинства тем или другим городком. Когда при Казимире IV усилилось угнетение восточной, пограничной с москов-

¹ «Страна князей» была расположена на верховьях реки Оки, откуда и произошло название «верховские» князя.

скими землями окраины Польско-Литовского государства, положение подвластных Литве князей — потомков Рюрика и обруселых потомков Гедимины¹ — сделалось очень незавидным. Тогда не только в народных массах русского населения Литвы, но и среди русских князей и бояр началось брожение.

Этим воспользовался Иван Васильевич. С конца 1480-х годов он стал вмешиваться в дела князей, служивших Литве. Посылая к ним своих представителей, московский государь объявил им, что он хочет беречь их, жаловать, принимает их в свою службу с городами и областями и будет защищать за ними те их владения, с какими они «выедут» на московскую службу. Такое предложение, понятное, имело успех. Начался ряд отъездов князей, причем каждый из них отъезжал со своей вотчиной, а иногда еще удерживал за собой и города, данные ему литовским великим князем только для службы. За недолгий сравнительно срок на московскую службу перешли в то время князья Бельские, Воротынские, Мезецкие, Вяземские, Лукомские.

Подобное движение крайне тревожило короля Казимира, тем более что Иван III постепенно все увеличивал свои притязания в этом отношении. С 1487 по 1492 г. литовские послы несколько раз приезжали в Москву с соответствующими жалобами, но всякий раз безрезультатно: Иван III не изменял своей политики, так что Казмир в великом раздражении сказал московскому послу: «Ваш государь привык только сам требовать, а не удовлетворять требования других: я должен следовать его примеру». Но уже старый, а по характеру постоянно колеблющийся Казмир боялся твердого Ивана III, победителя Новгорода, Твери, татар, и не решался на открытый разрыв; московский же государь, зная, что время работает в его пользу, выжидал по обыкновению удобного момента для своих действий.

Такой момент наступил в 1492 г., когда со смертью Казимира произошло временное разделение Польско-Литовского государства; королем Польши стал второй сын Казимира Ян-Альбрехт, великим же князем литовским — третий его сын, Александр. В августе того же года русские войска вступили в литовские пределы и началась война, неудачная для Литвы, на которую одновременно напал и

¹ Гедемин — великий князь литовский (1316—1340), основатель литовского могущества.

Менгли-Гирей, неизменный союзник Ивана III. Александр Казимирович поспешил вступить в переговоры о мире и стал свататься за одну из дочерей Ивана III. Но в Москве не желали обсуждать этот вопрос до заключения мира. Тогда в Литве решили покончить дело другим способом. В январе 1493 г. при московском дворе был открыт заговор, возглавляемый толмачом (переводчик) Матвеем Поляком и выездным князем Иваном Лукомским. Последний был подослан в Москву еще королем Казимиром, взявшим с него слово, что он убьет или отравит великого князя. Заговор провалился, агенты литовских панов были казнены, и Москва продолжала военные действия, во время которых к Ивану III снова стали отъезжать русские князья.

В 1494 г. Александр возобновил переговоры о мире, который был заключен на условии уступки Литвой Москве Вязьмы с близлежащими городами и земель, расположенных на верхнем течении Оки и ее притоков — территория Новосильских, Одоевских, Воротынских, Перемышльских, части Мезецких и других княжеств. Мирный договор был скреплен обручением, а вскоре и браком между Александром и княжной Еленой Ивановной.

Как до начала военных действий, так и во время переговоров о мире Иван III очень четко определил свое отношение к тому, что Литва владела древними русскими княжествами. Собирая воедино русские земли, Иван Васильевич заявлял, в частности по поводу всякого нового приобретения, какое бы ни делала Москва от Литвы, что это является лишь возвращением прежде принадлежавшего преемникам Владимира I Святославича и что он, московский государь, открыто предъявляет притязания на все земли, находившиеся тогда во власти Литвы, но когда-либо принадлежавшие русским князьям. В 1493 г. посол Ивана III, читая его грамоту Александру Казимировичу, поразил литовцев новым титулом московского князя: в грамоте Иван III называл себя «государем всея Руси», а не великим князем, как прежде. Поляки с этим не согласились, а потому Иван III, а за ним и его преемники так и не заключали с Литвой и Польшей прочного, настоящего мира, а только перемирие, мир на определенный срок, лишь бы «дать людям поотдохнуть да взятые города за собою укрепить».

На последнюю треть правления Ивана Васильевича помимо войн с Литвой приходится и другие военные события, в том числе завоевания северо-восточных земель и похо-

ды за Урал. Еще в 1472 г. московские войска заняли область Перми Великой на верховьях Вычегды и Камы, населенную зырянами (коми). В 1483 г. московские войска, один раз (1465) уже побывавшие за Уралом, снова появились в Югорской земле и дошли до великой реки Оби. Эти походы, экспедиционные разведки, явились только подготовкой к большому походу 1499—1500 гг., когда было взято в Югорской земле 40 городков и захвачено в плен 58 местных князьков, признавших над собой власть Москвы. Таким образом, к владениям московского государя был присоединен весь обширный северный край от Поморья до Югры. Это было очень важное в экономическом отношении приобретение, потому что до открытия и освоения европейцами Северной Америки Поморье и прилегающие к нему области были единственным для всей Европы источником драгоценной пушнины.

В 1496 г. Иван III, вступив в союз с датским королем, воевавшим тогда со Швецией, отправил свою рать в Финляндию, принадлежавшую к шведским владениям. В следующем году русская рать снова вторглась в Финляндию, разбила шведов и захватила весь край до Тавастуста. Одновременно с этим другая русская рать, поморская, вошла на крайнем севере в Лапландию и завоевала ее до Лилинки, после чего лапландцы были приведены в русское подданство. Шведская война, удачная для России, прекратилась, когда датский король стал королем Швеции.

В год перехода Югорской земли под «высокую руку» московского великого князя началась вторая русско-литовская война (1500—1503). Замужество Елены Ивановны не могло улучшить отношений между Литвой и Москвой, этому препятствовало слишком сильное расхождение их интересов, и в 1500 г. произошел неизбежный разрыв. Летом первого же года войны московская рать нанесла при реке Ведроше страшное поражение литовским войскам: сам гетман, князь Острожский, был взят в плен вместе с обозом. День этой победы, после которой русские двинулись дальше, всюду громя литовцев, был объявлен в Москве праздничным днем. Военные неудачи побудили литовских панов укрепить династическую связь с польским королевством: в 1501 г. после смерти Яна-Альбрехта великий князь Александр был избран польским королем. Таким образом были обеспечены совместные действия Литвы и Польши против Москвы. В это же время союзником

Литвы стал и Ливонский орден, тоже объявивший войну московскому государю¹.

Уже до этого у Москвы в правление Ивана III был ряд столкновений с немцами, окончившихся для них неудачей. В защиту против немцев Иван III построил в 1492 г. на реке Нарове, на самом ливонском рубеже, каменную крепость Ивангород. В 1495 г. он закрыл в Новгороде Ганзейский торговый двор, что нанесло большой ущерб Ливонии, близко заинтересованной в торговле Ганзы².

Орден, боясь Москвы, несколько лет ничего не предпринимал, а теперь решил выступить в союзе с Литовско-Польским государством, но без успеха для себя. Хотя в бою под Изборском рыцарям удалось благодаря превосходству в артиллерии разбить псковичей и московскую рать, но вскоре под Гелмедом они потерпели поражение, которое превзошло все поражения их, какие были известны до того времени. Вот как описывает эту победу наш летописец: «И биша поганых немец на 10 верст и не оставиша им ни вестюноши (гонца), а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и татары аки свиней шестоперы»³.

Третья битва, когда против русских выступил сам гроссмейстер Платтенберг, тоже кончилась поражением ливонцев. «Божьим дворянам», как называли ливонских рыцарей русские, не под силу было уже бороться с таким противником, как московский государь; они способны были лишь на погромы и грабительские налеты. Отчаявшись в помощи папы римского, которого они умоляли объявить против русских пресловутый «крестовый поход», ливонцы, после заключения в 1503 г. перемирия между Москвой и Литвой⁴, с радостью заключили мир с Иваном Васильевичем. Согласно этому миру Ливонский орден обязался платить ежегодную дань московскому великому князю за Юрьевскую землю, некогда принадлежавшую русским.

¹ Ливонский орден меченосцев, основанный в Риге в 1202 г. епископом Альбертом Буксгевденом, в 1237 г. соединился с аналогичным ему Тевтонским орденом. Это своеобразное государство, оружием подчинившее себе коренное население Прибалтики (нынешние Латвия и Эстония), номинально признавало над собой власть германского императора; распалось оно в 1561 г.

² Ганза — союз торговых приморских городов Германии во главе с городом Любеком существовал с XIII века до середины XVII. В число ганзейских городов входил ливонский город Ревель (ныне Таллин).

³ Шестопер — булава с наконечником из шести острых ребер.

⁴ По этому перемирию к русским владениям отошла территория, на которой были расположены 19 городов и 70 волостей.

Эта дань, установленная еще в 1462 г., возрождала теперь отношения, сложившиеся между Русью и орденом после разгрома немцев Ярославом Всеволодовичем в 1233—1234 гг. В дальнейшем эта дань давала право Ивану Грозному утверждать, что он начал войну с Ливонским орденом ради возвращения своей исконной вотчины.

Очень большое внимание уделял Иван III сношениям Московского государства с другими государствами. При нем завязались сношения с Священной Римской империей, как называлась тогда Австрия в совокупности с другими немецкими государствами, с молдавским господарем Стефаном, дочь которого Елена была замужем за Иваном Молодым, старшим сыном Ивана III; с Данией, Венецианской республикой, Миланским герцогством, папским престолом и Венгрией, с Баязетом, султаном могущественной Турции, Ираном и другими восточными государствами. Единоверная России Грузия, угнетаемая султаном, искала себе поддержки в Москве, и грузинский князь Александр в грамоте к Ивану III назвал себя его «меньшим братом». Примеру Александра последовали владетельные князья: мангупский (крымский) Исаак и таманский (кавказский) Захарий Гуйгурсис.

Несмотря на то что надменный султан Баязет, привыкший к рабской покорности не только своих, но и чужих подданных, с удивлением увидел перед собой не колено-преклоненную, а гордо стоящую фигуру московского посла Плещеева, между Москвой и Турцией установились вполне дружественные отношения.

Завоевание турками остатков Византийской империи и переход в 1453 г. столицы православного Востока в руки мусульман произвели при тогдашнем господстве религиозного мировоззрения сильнейшее впечатление на всех современников. Появилось множество литературных произведений, трактовавших эту тему, где постепенно стала выдвигаться мысль, что с падением Царьграда, второго Рима, первенствующая роль в христианстве перешла к Москве, преемнице Византии. Женитьба Ивана III на Софье Палеолог подтверждала подобную мысль. Этому, несомненно, противоречило подданство Москвы Золотой Орде, но с 1480 г. Иван Васильевич, на печати которого уже был выгравирован двуглавый орел (герб Византии), стал самостоятельным. Тогда начинает крепнуть мысль, что Москва — это третий Рим, и вот в 1492 г. в новой Пасхалии Иван III, повидимому впервые, был назван «новым царем Константином», а Москва — «новым градом Константина».

На Западе некоторые государства (например Венецианская республика), заинтересованные в поддержке Москвы ввиду своей борьбы с Турцией, признавали, по крайней мере на словах, права на византийский престол Ивана III, мужа Софьи Палеолог. Папа римский на этом основании призывал московского государя принять участие в новом «крестовом походе» против турок.

Иван III, великий дипломат, очень искусно отвечал на подобные предложения; ничего не отвергая, он вместе с тем решительно ничем себя не связывал. Конечно, брак с Софьей льстил самолюбию Ивана Васильевича, он придавал больший блеск его положению московского государя, позволял ему называть себя царем, как называли на Руси и византийских императоров¹. Но вместе с тем Иван Васильевич всегда был слишком трезвым политиком, чтобы всерьез претендовать на византийский престол и этим испортить свои отношения с Турцией, с которой начали развиваться выгодные для обеих сторон торговые сношения.

Скептический взгляд Ивана III на «византийское наследие» подтверждается, между прочим, отношением великого князя к завещанию Андрея Палеолога, старшего брата Софьи Фоминичны. Андрей, считая себя преемником византийских императоров, старался продать свое «право» на императорский престол какому-нибудь государю. Не успев в этом, он перед смертью, в 1502 г., завещал официально империи испанским королям Изабелле и Фердинанду. Иван Васильевич с полным равнодушием отнесся к этому обстоятельству.

Таким же реальным и независимым от постороннего воздействия государственным деятелем проявил себя Иван Васильевич и в отношении германского императора, когда тот через своего посла предложил ему королевский титул. Вот какой ответ получил тогда император: «А что еси говорили нам о королевстве... и мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы... а постановление, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и иные не хотим».

Гордое сознание своей силы и независимости Иван III почерпал не из льстивого признания иностранцев, а из сочувствия народных масс своей страны. Это сочувствие подтверждается, между прочим, добровольным переходом на-

¹ Слово «царь» происходит от латинского «цесарь», т. е. император.

селения из тверской земли в московскую, а также прочностью и легкостью, с какой соединилась с Москвой «страна князей».

Хотя долгое правление Ивана III проходило главным образом под знаком обширных военных предприятий, он тем не менее большое внимание уделял и внутренним, гражданским делам. Старая административно-хозяйственная система, переставшая с объединением русских земель под властью Москвы отвечать усложнившимся требованиям управления, была коренным образом реорганизована при Иване III. Дума, состоявшая из приближенных бояр, с которыми раньше московский великий князь в отдельных случаях совещался по важнейшим вопросам, теперь стала более обширной и превратилась в постоянный орган. В последние годы XV века были учреждены так называемые «приказы» — особые, тоже постоянно действующие органы центрального управления, имевшие определенный состав и определенную область управления. Важную роль играли Казенный приказ, образовавшийся из старого дворцового управления, в котором хранилось личное имущество московского государя, его казна и архив; затем Посольский приказ, возникший в результате расширения международных сношений; Разрядный приказ, ведавший служебными назначениями и организацией армии; Ямской приказ, ведавший ямскую гоньбу, т. е. почтовую связь.

Во главе приказов, как общее правило, стояли бояре, управлявшие с помощью дьяков, бывших наряду с духовенством наиболее образованным сословием древней Руси. Областное управление осуществлялось боярами же, великокняжескими наместниками, посылаемыми в провинциальные города, где они получали «кормление». Под началом наместников состоял целый штат тогдашних чиновников (тиун, доводчик, праветчик и др.).

Тогда же был составлен (1497) «Судебник», источниками которого послужили «Русская Правда», грамоты Двинская и Белозерская и Псковская судная грамота. Но большая часть «Судебника», введшего на всей территории государства единообразный порядок суда и управления, была написана вновь в соответствии с потребностями развивающейся централизованной системы.

Ко времени же Ивана III относится организация корпуса служилого дворянства, социальным ядром которого явились слуги княжеского двора, свободные люди и холопы, получившие небольшие земельные участки. Быстрое увеличение класса служилых людей требовало обеспечения его

землю, в связи с чем Иван III широко применял конфискацию земель на территории областей и княжеств, присоединенных к московским владениям. Так образовался нужный земельный фонд, из которого «испомешалось» землей служилое дворянство. Это была поместная система; в отличие от вотчины (собственность полная и наследственная) поместье было условным владением (только личное пользование землей на срок службы и притом без права распоряжаться ею). Служба была обязательной для служилого дворянства, составлявшего в виде ополчения главную часть вооруженных сил Московского государства. По первому требованию правительства служилые люди должны были являться на военную службу «конны, людны и оружны», т. е. приводить из своих поместий вооруженных всадников. «Военное дело, — замечает Ключевский, — не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало последние... Отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью; на востоке шла непрерывная борьба со степными хищниками, против которых ежегодно выставлялось на Украину значительное войско» («Сказания иностранцев»).

Служилое дворянство, важная экономическая и политическая сила, являлось для великокняжеской власти надежным противовесом многочисленному боярству, особенно князьям, которые, перейдя на великокняжескую службу, смотрели на Москву, как на своеобразный «сборный пункт», откуда они попрежнему будут править Русью, но только не каждый в отдельности, как их предки, а сообща всей Боярской думой. Эти надежды не оправдались: Иван III хотя и не сломил княжат окончательно, но во всяком случае крайне умалил их прежнее значение.

Для того чтобы землевладелец мог легче удерживать крестьян в своем поместье или вотчине, «Судебник» 1497 г. ввел так называемый юрьев день. Крестьянин мог уйти от одного владельца к другому только «в один срок в году — за неделю до юрьева дня осеннего и неделя после юрьева дня осеннего» (по церковному календарю осенний юрьев день приходится на 26 ноября, когда обычно уже заканчивались осенние сельскохозяйственные работы). Такое постановление привело к укреплению и оформлению зависимости крестьян от служилых дворян-землевладельцев.

В Московском государстве население, обрабатывавшее землю, делилось на три больших разряда: на крестьян

черносошных, живших на «черных», или государственных, землях, на крестьян, обрабатывавших земли, приписанные ко двору государя, и на крестьян, которые жили на землях, принадлежавших как вотчины или поместья боярам, служилым людям и монастырям. Черносошные крестьяне могли распоряжаться занятой ими землей по своей воле (обрабатывать, закладывать, передавать по наследству и т. д.). «Земля великого государя, а нашего владения», — говорили крестьяне, или: «земля божья да государева, а роспаши и ржи наши». Но крестьяне не имели права покидать землю, не оставив заместителя, и признавались владельцами ее лишь постольку, поскольку были исправными плательщиками казенных податей. Таким образом, черносошные крестьяне считались владельцами только до тех пор, пока это совпадало с видами правительства. Простого распоряжения государя было достаточно, чтобы отдать ту или иную «черную землю» в поместье или пожаловать в вотчину служилому человеку. Тогда черносошный крестьянин из работника на себя и плательщика казенных сборов становился работником и на служилого человека, не переставая быть плательщиком казенных сборов. По мере того как правительство, организуя оборону страны, раздавало все больше и больше земель служилым людям, большинство земледельческого населения превратилось в течение XVI века в работников служилых людей. Уйти от своего хозяина крестьянину было нелегко, так как надлежало предварительно расплатиться с ним — уплатить ссуду, выплатить аренду, все оброки (денежные и припасами), внести «пожилое», т. е. сбор, взимавшийся с крестьян как бы за пользование хозяйским двором и избой. При таких тяжелых условиях начался самовольный уход крестьян и так называемый «своз». Не имея чем расплатиться со своим хозяином, крестьянин рядился с другим, который выкупал его и «свозил» на свою землю. В самые последние годы XVI века крестьянство, почти сплошь находившееся в долгу у землевладельцев, было лишено права свободного перехода в юрьев день, чем и было оформлено крепостное состояние земледельческого населения Московского государства.

Кроме земледелия крестьяне занимались ремеслом и мелкой торговлей. В определенные дни они приходили со своим товаром на торги в селах, расположенных обычно у больших дорог и водных путей. Некоторые крестьяне вообще бросали пашню ради ремесленных занятий и торговли. В селах стали появляться тогда дворы непашенных кре-

стьян — кузнецов, бочаров, сапожников, плотников и т. п. Благодаря этому периодический сельский торг постепенно стал превращаться в постоянный рынок, где торговали уже в лавках и шалашах. Развитие крестьянской промышленности и мелкого ремесленного производства способствовало распространению рыночной системы не только в селах, но и в городах. В большинстве последних в правление Ивана III имелись посады (поселения свободных ремесленников и купцов), которые великий князь поддерживал, потому что они давали ему новый источник доходов. Развитие рыночной системы усилило экономическую связь между отдельными русскими городами, среди которых первое место заняла Москва, развившая широкую торговлю с западными, южными и восточными государствами.

Москва-город превратилась тогда в главный рынок не только Московской области, но и всего русского государства. «В Москву, — писал Контарини, — во время зимы съезжаются множество купцов из Германии и Польши для покупки различных мехов, как-то: соболей, волков, горностаев, белок и отчасти рысей. Меха эти добываются не в самой Москве, а гораздо далее на север и северо-восток, но привозятся обыкновенно в Москву на продажу... В конце октября река, протекающая посреди Москвы, покрывается крепким льдом, на котором купцы ставят лавки с разным товаром и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе... На таковой рынок ежедневно в продолжение всей зимы привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы».

При Иване Васильевиче если и не юридически, то фактически было отменено право бояр и вольных слуг «отъезжать» от московского государя; с объединением русских земель для бояр оставалась одна возможность отъезда — иноземное государство (преимущественно в Литву). Но такой отъезд, подобно всякой крамоле, справедливо рассматривался как измена родине и потому карался беспощадно. В связи с этим немало бояр, князей и других лиц тогда было казнено или погибло в заточении, включая сюда и близких родственников Ивана III. Это дало повод считать Ивана Васильевича жестоким, что едва ли верно; обстоятельства, государственная польза заставляли его прибегать в тот суровый век к жестоким мерам. Свое отношение к подобным случаям он сам пояснил (и нет основания не верить его искренности) в беседе с митрополитом по поводу заключения брата Андрея: «Жаль мне

очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрек, но освободить его не могу, потому что не раз замышлял он на меня зло, потом каялся, а теперь опять начал зло замышлять и людей моих к себе притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то он будет искать княжения под внуком моим, а если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и теснить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар».

Вторая половина XV века, ознаменованная изобретением книгопечатания и великими географическими открытиями (открытие Колумбом Америки и проложение португальцами кругоафриканского морского пути в Индостан), событиями, произведшими подлинную революцию в миропонимании современников, характеризуется в Западной Европе подъемом умственного движения. То же самое мы видим и в Московском государстве в правление Ивана III. Объединение русских земель и укрепление между ними экономической и политической связи не могли не способствовать развитию общерусской культуры. Это нашло свое выражение в развитии светской и церковной письменности, горячо трактовавшей идеи политического господства Москвы как преемницы Константинополя, идеи единства русской земли вокруг московского князя, в постепенном развитии общего архитектурного стиля, в живописной манере. Литературные произведения как светские, так и церковные поднимают ряд вопросов не местного, областного значения, а общеполитические вопросы, касающиеся всей русской земли. Во второй половине XV века в Москве создаются две повести на тему о политической преемственности Русью византийского наследства — «О Вавилонском царстве» и «Сказание о князьях Владимирских». В последней проводится даже такая мысль, что московский княжеский род идет от римского кесаря Августа.

На протяжении всего XV века неоднократно перерабатываются повести о Мамаевом побоище. В одной из этих переработанных повестей понятие русской земли сливается с понятием Московского княжества и вопреки исторической действительности утверждается, что к московскому князю «съехались все князи русские на пособь». В другой повести того же цикла князь Дмитрий Иванович Донской именуется «великим князем всея Руси», «осподарем всей земли Русской».

Даже в таких литературных памятниках, как «Повесть о новгородском белом клобуке», возникшем на новгородской почве, Новгород, не покорившийся еще полностью Москве, все же уступает ей византийское политическое наследство, оставляя за собой только право на церковное преемство.

Во всех этих повестях Московское княжество выставляется как наиболее сильное и политически господствующее, которое может защитить интересы всей русской земли и обеспечить ее процветание. Появляются новые летописи, сказки, предания, былины и большое число переводных сочинений, среди которых некоторые сообщали сведения из области естественных наук (например, «Шестокрыл», содержащий наставление для определения дат солнечного и лунного затмений, «Космография», излагавшая геоцентрическую систему мироздания, и др.). Потребность государства в чиновниках-«грамотеях» приводит к распространению «книжности», т. е. образованности. Поднимается вопрос об устройстве училищ, где бы обучали грамоте и богословию.

Общественные течения того времени выразились в протесте народных масс против усиления феодального гнета, в борьбе различных группировок внутри самого господствующего класса за власть, за земли и крестьян, в наметившемся расколе среди духовенства. Так как в эту эпоху религиозная борьба зачастую являлась лишь оболочкой классовой борьбы, то идеологической формой названных общественных противоречий явились так называемые ереси. В связи с этим при Иване III было создано два церковных собора.

В России стала распространяться ересь «жидовствующих», повидимому занесенная евреем Схарием, приехавшим в Новгород в 1471 г. В Москве новое учение, которое можно сопоставить с протестантским движением на Западе, проникло даже в среду придворной знати и в высшие слои духовенства и купечества. Тогда в ересь «впали» посольский дьяк Федор Курицын, архимандрит Зосима, вдова старшего сына Ивана III княгиня Елена и др. Благочестие самого великого князя не переходило за пределы обрядности и не впадало в суеверие. На религию он смотрел, как на орудие политики, духовенство заставлял трепетать наравне со всеми, а с еретиками поступал различно, смотря по обстоятельствам. Поначалу он отнесся очень терпимо к новому движению, потому что «жидовствующие» выступали против церковного землевладения.

Монастыри были крупнейшими землевладельцами, а Ивану Васильевичу нужны были земли для испомещения служилых людей, и он сперва даже поддерживал еретиков. Но, так как ересь в конечном счете была направлена вообще против существующих порядков, Иван III с течением времени изменил свое отношение к ней. В 1490 г. был созван церковный собор, на котором ересь была осуждена; три года спустя по постановлению нового собора захваченные еретики были преданы смертной казни, и движение в целом было подавлено.

Последние годы жизни Ивана III были омрачены семейной неурядицей на политической почве. Его старший сын от первого брака Иван Младший, уже объявленный великим князем, умер в 1490 г. Возник вопрос, кому быть преемником Ивана Васильевича: Дмитрию ли, сыну Ивана Младшего, или Василию, сыну Софьи Фоминичны? Бояре, боясь усиления великокняжеской власти, стояли на стороне Дмитрия Ивановича, приказные дьяки, имевшие большое значение, и боярские дети — на стороне Василия Ивановича. Сперва победили бояре: Иван Васильевич венчал своего внука и назвал его «великим князем», т. е. назначил его своим наследником. Тогда в Москве состоялся заговор в пользу Василия, в котором участие приняла Софья Фоминична. Заговор был раскрыт, Иван Васильевич опался на сына и подверг его заключению; шесть главных участников заговора были казнены, многие дети боярские брошены в тюрьмы. Однако прогрессивная по тем временам группировка приказных дьяков все-таки одержала верх: через несколько времени Иван III изменил свое отношение к Софье и Василию. Он снова пожаловал Василия и назвал его государем и великим князем. Дмитрий вместе с матерью Еленой Молдавской были заключены под стражу.

Иван Васильевич мог испытывать чувство удовлетворения. Великие задачи, которые он сознательно поставил себе в ранней молодости, были им разрешены. В Русской земле, несмотря на частые и трудные войны, поднимались производительные силы страны, росла ее культура и техника. Об этом свидетельствовал, как уже упоминалось, высокий уровень русского ремесленного искусства, зодчества, живописи, носителями которых были русские мастера. В течение своей долгой и плодотворной деятельности Иван III не испытал ни одной крупной неудачи. Но не следует думать, что своими успехами он был обязан

к называемому счастью или стечению благоприятных обстоятельств. Напротив, всякий успех доставался ему с боя, потому что у него не было недостатка в противниках, нередко не уступавших ему в отношении материальных сил. Разумеется, не своими силами достиг Иван тех результатов, которые дало его правление: на его стороне, несомненно, стояло все население страны, весь русский народ, который, понимая прогрессивную политику Ивана Васильевича, активно поддерживал его. Широкие массы чувствовали, что в своих действиях Иван Васильевич проявлял не просто жадность завоевателя и даже не стремление только к увеличению своих материальных сил (как к средству избавиться от разных могущих возникнуть опасностей), но что он руководился настоящей государственной идеей. Знаменем своей деятельности Иван III прежде всего взял идею, которая была наиболее дорога его русским современникам и которая более всего была способна привлечь их к нему. Эта идея всегда являлась одним из наиболее могучих двигателей в истории русского народа — идея объединения всех русских земель в одно целое.

По недостатку современных известий приходится отказываться от попытки обрисовать выдающуюся личность Ивана III достаточно определенными чертами в отношении всех сторон его ума и характера. Наиболее верные выводы, правда лишь в основном, можно получить, рассматривая его деятельность. В делах же своих он является перед нами человеком обширных дарований, чрезвычайно деятельным, осторожным, дальновидным и, что очень важно, исполненным сознания силы и значения своей страны, своего народа. Доказательством последнего может служить хотя бы следующее. Видя необходимость для России ознакомиться с результатами культурных и технических успехов западных народов, Иван Васильевич восстановил сношения с Западной Европой, но в этих сношениях он полностью сохранил и самостоятельность и достоинство русских людей.

Сильную поддержку оказывало Ивану III и его непосредственное окружение, но это не имело решающего значения: бояре, с которыми начал свое правление Иван III, действовали и при его отце; бояре, с которыми он правил последние 10—15 лет, перешли к его сыну Василию III. Однако даже беглый взгляд на ход событий при Иване III и сравнение их, с одной стороны, с событиями при его преемнике, а с другой — при его предшественнике, свидетель-

ствует, что в то время, когда внутренними и внешними делами Московского государства руководил Иван III, в Москве была налицо такая сила, какой Россия не знала ранее.

Эту силу и изумительную способность заниматься государственными делами Иван III сохранил до последних минут. Умер он 17 октября 1505 г., отказавшись перед смертью, в противоположность своим предкам и преемникам, от принятия схимы (пострижение в монашество): Иван III хотел умереть, как жил, — монархом, а не монахом.

Карамзин, подводя вкратце итоги блестящего правления Ивана III, отнесся к нему с восторгом, граничащим с благоговением. Отчасти это объясняется тем, что Карамзин, так сказать, «открыл» Ивана III, первый познакомился с его всеобъемлющей государственной деятельностью, о которой до тех пор никто не имел сколько-нибудь должного представления. Но если характеристику Карамзина можно считать несколько преувеличенной, то мы имеем другую, нам более близкую и вполне объективную, которая лучше, чем какая-либо другая, дает исчерпывающее представление о роли и значении, какое имел Иван III в истории нашей родины.

«В начале своего царствования, — говорит Маркс, — Иван III все еще был татарским данником: его власть все еще оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на севере России, Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии, наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана III, сидящим на вполне независимом троне об руку с дочерью последнего византийского императора¹; мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора; Новгород и другие русские республики покорны; Литва уменьшилась в своих пределах и ее король является послушным орудием в руках Ивана; ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, — была ошеломлена внезапным появлением огромной

¹ Так Маркс называет Фому Палеолога, последнего отпрыска византийской императорской династии.

империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи»¹.

Исходя из этой характеристики, не требующей никаких добавлений, можно с полным основанием сказать, что Иван III должен быть причислен к замечательнейшим государственным деятелям не только XV века, но и всех времен. Характеристика, сделанная Марксом, неопровержимо говорит о том, что Иван III является одним из самых выдающихся русских людей, одним из тех, кого русский народ может вспоминать с благодарностью и которым по справедливости он может гордиться как борцом за единство и независимость русской земли.

¹ *Маркс*, Секретная дипломатия XVIII века.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I	13
Глава II	21
Глава III	29
Глава IV	35
Глава V	40
Глава VI	47

Редактор *Л. Розалин*

Подписано в печать 20 июня 1942 г. А 61122. Тираж 30 000 экз. Объем 4 п. л.
38 000 зн. в 1 п. л. Заказ № 301. Цена 1 р.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Краснопролетарская, 16.